

Рудольф Штейнер

Перевоплощение и карма, их значение для культуры современности

Первая лекция. Берлин, 23 января 1912 г

К замечаниям, которые мы сделали относительно духовных фактов и существ высших миров на лекциях, прерванных нашим общим собранием, хорошо будет добавить нечто такое, что поможет нам понять вещи, связанные с современным развитием человечества. Если размышления, которыми мы занимались осенью прошлого года, должны были ввести нас скорее в процессы, происходящие в пределах высших иерархий, то сегодня мы рассмотрим вещи, относящиеся к людям и потому более близкие нам.

Человек, уже некоторое время знакомый с антропософией и усвоивший основные понятия о реинкарнации и карме, а также другие истины, относящиеся к человечеству и его развитию, вполне может задать вопрос: почему так трудно прийти к непосредственному, настоящему воззрению на ту сущность в человеке, которая проходит через повторные земные жизни, то есть на ту сущность, при все более и более близком знакомстве с которой прояснились бы естественным образом и тайны повторных земных жизней и самой кармы?

Тут, однако, следует сказать: все, что связано именно с этим вопросом, обычно воспринимают совершенно превратно. Понять эти вещи человек прежде всего пытается при помощи обычного мира мыслей, при помощи обыденного рассудка, что вполне естественно. И он спрашивает себя: в какой мере можно найти в фактах жизни основания для уверенности, что истинно воззрение, согласно которому земные жизни повторяются и существует карма?

В таких попытках человек может, правда, достичь определенной точки, опираясь преимущественно на размышления, но все же это будет только достижением определенной точки. Ибо наш умственный мир с наличными его свойствами полностью зависит от тех образований общей человеческой организации, ограниченной лишь одной инкарнацией, которые мы получаем именно через уделение нам этой определенной организации на время нашей человеческой жизни между рождением и смертью. И вот от этой организации, точнее даже от особого устройства физического тела и тела эфирного, которое ведь превосходит физическое лишь на одну ступень, зависит все, что мы можем назвать миром наших мыслей. И чем более проницательны эти мысли, чем больше они способны заниматься абстрактными истинами, тем больше эти мысли зависят от внешней, ограниченной лишь одной инкарнацией организации человека. Мы можем понять это уже из того, что, как уже неоднократно говорилось, из всего, что мы переживаем в душе, как раз наши мысли мы менее всего в состоянии взять с собою в жизнь между смертью и новым рождением, то есть в духовную жизнь. Таким образом, именно из того, что мы изошреннее всего придумываем, нам приходится больше всего оставить здесь. Можно буквально спросить: что слагает человек, проходя через врата смерти? Прежде всего свое физическое тело. Но и из того, что составляет его внутренний мир, человек слагает нечто почти столь же полно, почти без остатка — те абстрактные идеи, которые он создал в своей душе. Проходя через врата смерти, человек менее всего способен взять с собою две вещи — физическое тело и абстрактные, можно даже сказать, научные мысли. Относительно легко человек берет с собою свои склонности, влечения, желания, такими, как они сформировались здесь, а особенно свои привычки; берет он с собою также природу и своеобразие своих волевых импульсов. Но менее всего он может взять с собою свои мысли.

Из того, что мысли так тесно связаны с внешней организацией, уже можно заключить,

что они не являются вполне пригодным инструментом для проникновения в тайны реинкарнации и кармы, которые являются истинами, выходящими за пределы отдельного воплощения. Но до определенного пункта дойти все-таки можно, и даже нужно сформировать свое мышление до этого определенного пункта, если есть желание теоретически понять реинкарнацию и карму. То, что можно сказать об этом, в сущности, уже сказано либо в главе о реинкарнации и карме в "Теософии", либо в небольшой работе "Реинкарнация и карма: представления, необходимые с позиций современного естествознания". К тому, что сказано в этих двух работах, вряд ли можно добавить многое.

Нас сегодня должно занимать не то, что еще может добавить ум, но другое: как же прийти к определенному воззрению на реинкарнацию и карму, то есть к воззрению, более ценному, нежели просто теоретическая убежденность, которое может дать своего рода внутреннюю уверенность в том, что подлинное духовно-душевное наше ядро пришло из прежней жизни и перейдет в новую жизнь?

К такому воззрению можно прийти путем совершения внутренних действий, которые вовсе не легки, которые трудны, но которые поэтому все-таки могут быть совершены. Первый шаг, который можно сделать, — некоторое применение обычного самопознания, состоящего в том, что человек в какой-то мере оглядывается на свою жизнь, причем оглядывается так, что задает себе вопрос: а что я был за человек? Был ли я человеком с сильной склонностью к размышлениям, к внутренним раздумьям или же я был человеком, который всегда больше любил впечатления внешнего мира, которому в жизни нравилось или не нравилось то или иное? Был ли я человеком, который в школе любил читать, но не любил считать, который любил бить других детей, но не любил, когда били его самого? Или, возможно, я был ребенком, которому все время доставалось и который был недостаточно хитер, чтобы доставалось другим? Нужно бросить подобный взгляд на свою прошедшую жизнь и в особенности спросить себя: к чему я был более расположен в умственном отношении или в том, что относится к настроениям души или волевым импульсам? Что было для меня легко, а что трудно? Что действовало так, что хотелось бежать от этого? А что — так, что я говорил себе: приятно, что это случилось, и т. д. Оглянуться определенным образом на свою жизнь хорошо для более глубокого знания своего духовно-душевного ядра. Прежде всего, нужно ясно представить себе, чего ты не любил. К примеру, кто-то желал стать поэтом, но отец хотел, чтобы он стал мастеровым, и этот человек вынужден был стать мастеровым, хотя никогда сам того не хотел; он стал мастеровым, но хотел бы вместо этого стать поэтом. Нужно уяснить, кем ты хотел стать и кем стал против своей воли; что нравилось тебе в молодости, но для чего у тебя не было возможности; от чего тебе хотелось освободиться, чего избежать. Я подчеркиваю, что то, о чем я сейчас говорю, должно относиться только к прошедшей жизни, но не к будущей — это было бы ложное представление.

Таким образом, нужно, в сущности, уяснить, что говорит тебе такой взгляд в прошлое: чего ты не желал, чего хотел избежать и т. д. Если осознать это, будет нарисована ясная картина того, что тебе меньше всего нравится в твоей жизни. Но нужно выделить именно те вещи, которые в прошлом нравились тебе очень мало. И нужно попытаться сжиться с весьма необычным представлением: нужно начать энергично хотеть и желать всего того, чего раньше не хотел и не желал! То есть надо энергично вообразить себе: каким бы ты был, если бы живо и сильно желал всего того, чего на самом деле не желал, что было тебе в твоей жизни не по нутру?

При этом необходимо как-то исключать то, отвращение к чему удалось уже преодолеть ранее, поскольку важнее всего хотеть — или представить себе, что горячо хочешь, — именно то, чего ты не желал или в отношении чего ты не смог осуществить свои желания. В результате в ощущениях, в мыслях должно быть создано такое существо, о котором ты будешь иметь ясное представление, что ты им раньше вовсе не был. А теперь нужно представить себе, что именно этим существом ты и был, причем был им со всей решительностью, со всей интенсивностью. Если представить себе такое, если удастся

отождествиться с этим существом, которое ты, так сказать, встроил в себя самого, то на пути к познанию своего внутреннего душевного ядра уже достигнут значительный успех. Ибо как раз из той картины, которая создается описанным образом, становится ясно, чем ты не являешься в нынешнем воплощении, но что в нынешнее воплощение привнесено. Более глубокая сущность человека приоткрывается на созданной таким образом картине.

Итак, от того, кто желает добраться до своего внутреннего ядра, требуется, в сущности, то, что меньше всего склонны делать люди нашего времени. Наше время совсем не склонно к тому, чтобы хоть сколько-нибудь желать чего-то подобного, ведь в наше время люди, когда они задумываются о себе самих, более всего стремятся к тому, чтобы находить себя абсолютно "правильными", такими, какие они есть. Если мы возвратимся в прежние времена, отличавшиеся по своему характеру более религиозным развитием, то найдем там чувство, что человек должен был ощущать раскаяние оттого, что он в столь малой степени соответствует своему, как он мог бы сказать, божественному прообразу. Хотя это не то представление, о котором идет у нас речь сегодня, но это было такое представление, которое уводило от того, чем человек обычно бывает доволен, и вело к чему-то другому. Это приводило, правда, не к убеждению в существовании иного воплощения, но к такой сущности, которая переживает век нашей организации, складывающейся в период между рождением и смертью. Тот, кто рисует образ, противоположный тому, чем сам является, понимает следующее: этот образ, как ни трудно тебе увидеть в нем свой портрет в теперешней жизни, все-таки имеет с тобою нечто общее — ты не можешь этого отрицать. Если ты нарисовал этот образ, он будет преследовать тебя, вставать перед твоей душой и выкристаллизовываться, так что тебе придется сказать: этот образ имеет нечто общее со мной, но определенно не с моей теперешней жизнью. И тогда формируется чувство, что этот образ коренится в прежней жизни.

Если мы представим это в своей душе, то вскоре увидим, насколько ошибочно большинство обычных представлений о реинкарнации и карме. Вы уже, должно быть, сами слышали такое: если антропософ встречается в своей жизни человека, который является, к примеру, хорошим математиком, то антропософ сразу представляет себе, что в предыдущем воплощении этот человек тоже был хорошим математиком. Часто цепочки инкарнаций составляются необразованными антропософами таким образом, что предыдущее воплощение определяется на основании способностей, которыми человек обладает в нынешнем, — предполагается, что эти способности можно найти в одном, а то и в нескольких предыдущих воплощениях. Это самая худшая спекуляция, какая может быть. Обычно результат таких рассуждений оказывается неверным, так как настоящие наблюдения средствами духовной науки показывают, что, как правило, дело обстоит ровно наоборот. Например, люди, которые в предыдущем воплощении умели хорошо считать, были хорошими математиками, в следующей инкарнации не проявляют никаких способностей к математике, у них отсутствует математическое дарование. А если есть желание узнать, какими дарованиями человек вероятнее всего обладал в прежнем воплощении — я обращаю внимание на то, что мы сейчас вступаем в сферу вероятного, — если есть желание узнать, какие способности были у человека в прежнем воплощении в отношении ума, искусства и т. д., то будет правильно подумать, к чему в этом воплощении у него меньше всего способностей, к чему в этом воплощении он менее всего пригоден. Если это выяснено, то можно установить, в чем, наверное, блистал человек в своем предыдущем воплощении, какая у него была особенная одаренность. Я говорю об этом как о вероятном по той причине, что это, с одной стороны, истинно, но с другой стороны, многократно пересекается с другими фактами. К примеру, может оказаться, что человек имел в предыдущем воплощении большое математическое дарование, но рано умер, и это дарование не смогло как следует проявиться. В таком случае в новом воплощении он опять родится с математическим даром, который будет как бы продолжением предшествующей инкарнации. Рано умерший математик Абель определенно должен и в своем следующем воплощении родиться с сильным математическим дарованием. Если же математик достигнет глубокой старости и проявит свой дар, то в следующем

воплощении он просто не будет ничего смыслить в математике. Я знаю одного человека, который был так мало способен к математике, что, будучи школьником, просто ненавидел цифры. По другим же предметам у него были хорошие оценки, и он вообще смог закончить школу только благодаря тому, что по другим предметам ему ставили превосходные оценки. Это было связано с тем, что в предыдущей инкарнации он был весьма хорошим математиком.

Если пытаться проникнуть глубже, выяснится, что то, чем человек внешне занимается в одной своей инкарнации, точнее, то, что является профессией — внешней или внутренней, — в следующей инкарнации примет участие в формировании внутренних органов. Например, — тот, кто был в одном воплощении прекрасным математиком, приносит с собою в новое воплощение усвоенное им умение обращаться с фигурами или числами и использует принесенное для особого развития своих органов чувств — глаз например. И люди, обладающие отличным зрением, имеют столь тщательно сформированные глаза потому, что в предыдущем воплощении мыслили формами, это "мышление при помощи форм" взяли с собой и, проходя путь между смертью и новым рождением, более совершенно вылепили свои глаза. Математическое дарование перешло в глаза и больше не существует в виде математического дарования.

Есть другой известный оккультистом случай, когда индивидуальность особенно интенсивно жила в одном своем воплощении архитектурными формами. То, что этот человек ощущал в том воплощении, стало силами внутренней душевной жизни и отразилось на органах слуха, так что в следующей инкарнации человек стал великим музыкантом. Человек не стал архитектором, так как формы ощущения, связанные с архитектурой, стали строителями органов слуха и человек неизбежным образом получил высокую степень восприимчивости к музыке.

Внешнее исследование сходств, как правило, вводит в заблуждение относительно своеобразия каждого из следующих друг за другом воплощений. И точно так же, как мы должны задумываться над тем, что нам не нравится, и представлять себе, будто мы этого интенсивно желаем, — так нам следует думать и о вещах, к которым мы имеем меньше всего способностей, в которых мы, так сказать, совершенные тупицы. И когда мы открываем эти самые тупые стороны нашего существа, они с высокой степенью вероятности приводят нас к тому, в чем мы более всего блистали в предыдущем воплощении. Отсюда видно, что есть соблазн подходить как раз к этим вещам не с того конца. Вот еще один пример того, как размышления могут привести нас к выводу, что именно внутреннее душевное ядро переходит из одного воплощения в другое. Человеку никогда не бывает легче учить языки оттого, что он в каком-то из предшествующих воплощений жил в тех местах, где говорили на языке, который он теперь должен учить; в противном случае нашим гим-назистам было бы не так тяжело учить греческий и латынь, ведь многие из них жили в прежних инкарнациях в области, где этими языками пользовались как обыденными разговорными.

О том, что мы приобретаем внешне, приходится сказать: все это настолько тесно связано с жизнью человека, заключенной в рамки между рождением и смертью, что не может быть и речи о том, чтобы в следующем воплощении эти вещи вновь являлись в таком же виде; дело обстоит иначе: они превращаются в силы, переходящие в следующую или следующие инкарнации. Так, например, те, кто имел в одном воплощении большие способности к языкам, не будет иметь такого дара в следующем воплощении, но зато он приобретет способность к более непредвзятым суждениям, нежели прочие люди.

Все это вещи, связанные с тайнами перевоплощения. И как раз знакомясь с этими тайнами перевоплощения, можно самым интенсивным способом получить представление о том, что является действительно внутренним в человеке, а что все-таки некоторым образом относится к внешнему. Так, для современного человека язык уже вовсе не является чем-то внутренним. Можно любить язык ради того, что он выражает, ради национального духа; однако он переходит из одного воплощения в другое уже в видоизмененных силовых формах.

Когда человек преследует такие цели и говорит: я буду сильно хотеть и желать того, чем я стал против моей воли и к чему я питаю меньше всего склонности, — он может быть уверен: представления, полученные им, сложатся в образ его предшествующей инкарнации.

Этот образ предшествующей инкарнации будет получен с большой степенью определенности, если только выполнить вещи, которым была дана сейчас более точная характеристика. Действительно, можно заметить, что по тому, как складываются воедино полученные таким способом представления, человек почувствует: "Этот образ, в сущности, довольно близок мне, вовсе не отдален от меня". Или он может почувствовать так: "Этот образ, очень и очень далекий от меня". Дело в том, что когда вырабатываешь представления, о которых говорилось сегодня, когда рисуешь перед душой такую картину своей предыдущей инкарнации, то можешь, как правило, оценить, насколько поблекшей предстает эта картина. Рождается чувство: "Это ты стоишь тут — этот образ не может быть образом твоего отца, деда или прадеда". Но когда ты подвергаешься действию образа, твои чувства приводят тебя к другому мнению: "Между этим образом и мною стоит столько-то людей!". Предположим, что у одного человека возникает такое чувство и он видит, что между ним самим и этим образом стоят двенадцать человек, а другой чувствует, что между ним и образом — семь человек. Это ощущение, которое испытывает человек, чрезвычайно важно. И если, к примеру, между человеком и этим образом стоят двенадцать человек, то нужно разделить двенадцать на три, и получится четыре. Так определяется, как правило, число столетий, отделяющих человека от его предшествующей инкарнации. Таким образом, человек, чувствующий, что он отделен от образа, возникновение которого мною описано, двенадцатью людьми, что образ на двенадцать человек выше, — должен сказать себе: "Мое предыдущее воплощение было на четыре века раньше нынешнего". Это только пример, именно такое число встретится, быть может, очень редко, но пример этот позволяет сделать некоторый расчет. Большинство людей увидит, что таким способом можно верно оценить, когда они последний раз жили на земле. Однако создание условий для такой оценки представляет, конечно, известные трудности.

Мы коснулись вопросов, которые крайне далеки от современного сознания. И отнюдь не приходится сомневаться, что, если рассказать о таких вещах людям неподготовленным, они сочтут все это безответственными фантазиями. Но такова уж судьба антропософского мировоззрения, что оно намного сильнее всех прежних мировоззрений должно определенным образом противопоставлять себя общепринятому. Ибо это общепринятое сплошь и рядом выступает в форме самого грубого, самого убогого и пустого материализма. И как раз те мировоззрения, которые могут казаться наиболее прочно стоящими на почве научного мировоззрения, на самом деле являются самыми безрадостными плодами некоего коренного материалистического воззрения. Поскольку же антропософии суждено быть для широкого мира разных мировоззрений тем, что сегодня требуется человеку, которому надо получить представление о своем предшествующем воплощении, то вполне понятно, что современному человеку совершенно чуждо принятие антропософских воззрений всерьез. Ибо как люди не питают склонности к тому, чтобы желать и хотеть того, чего они всю свою жизнь не желали и не хотели, так равным образом и духовные истины чужды их мыслительным привычкам.

Тут можно задать вопрос: почему же именно теперь приходит к людям духовная истина? Почему она не даст людям развиваться и созреть?

Это связано с тем, что вряд ли можно представить себе большее различие между двумя сменяющими друг друга эпохами, чем различие между эпохой, в какую живет современное человечество, и той, в какую войдет человечество, когда живущие сейчас люди родятся в своем следующем воплощении. Ведь не от людей зависит то, как формируются определенные духовные способности, это зависит от всего смысла, всего значения и всей сути земного развития. Сейчас люди наиболее далеки от того, чтобы верить в перевоплощение и карму. Не антропософы, конечно, — но ведь антропософов в мире немного, — и не те, кто еще принадлежит к старым религиозным формам, но те, кто сегодня

является носителем внешней культурной жизни, — они чаще всего весьма и весьма далеки от того, чтобы верить в карму и реинкарнацию. Как раз этот факт — отсутствие такой веры — примечательным образом связан с тем, чем занимаются и чему обучаются сегодня люди, а занимаются чем-то и обучаются чему-то они лишь постольку, поскольку это имеет значение для интеллектуальных способностей. И вот, эти факты обусловят то, что в следующем воплощении у людей нашего времени станет все наоборот. В следующей инкарнации эти люди нашего времени (независимо от своих стремлений — . духовных или материалистических) будут предрасположены к тому, чтобы ощутить свою предшествующую инкарнацию. Совершенно неважно, чем занимаются люди нашего времени, — благо-даря тому, что они живут теперь, они родятся вновь с большими задатками, с сильным стремлением что-то уз-нать, обладать каким-то знанием о предыдущем воплощении. Мы стоим как раз у рубежа эпох, когда люди переходят от инкарнации, в которой они совершенно ничего не желали знать о перевоплощении и карме, к инкарнации, в которой они будут живейшим образом чувствовать: вся жизнь, какой я сейчас живу, остается подвешенной в воздухе, если я не могу чего-либо узнать о своей предыдущей инкарнации. И те люди, что сейчас больше всего бранят идеи реинкарнации и кармы, будут в новой жизни просто извиваться в муках, не в силах объяснить себе, как жизнь стала именно такой. Люди обращаются сейчас к антропософии не от какой-то ностальгии по прежней инкарнации, но для того, чтобы понять, с чем столкнется все человечество когда-то, когда люди, живущие ныне, вновь будут здесь. Те, что сейчас являются антропософами, разделят с другими стремление вспомнить себя в прошлом, но у них достанет на это разума, что создаст в их душевной жизни внутреннюю гармонию. Те же, кто сейчас отвергает антропософию, захотят узнать о том, что представляла собой их инкарнация в прошлой жизни, и будут испытывать при этом нечто вроде внутренней муки; но они не поймут ничего из того, что будет их больше всего угнетать и мучить, они будут беспомощны и внутренне дисгармоничны. И в следующем их воплощении им нужно будет сказать: ты только в том случае поймешь, что причиняет тебе страдания, если представишь себе, что ты мог всерьез захотеть так мучиться. Конечно же, никто из людей не захочет таких мучений. Но люди, которые сегодня являются материалистами, начнут в следующем воплощении понимать свое внутреннее раскаяние, свою внутреннюю пустоту и мучения, если последуют требованиям, советам тех, кто сможет тогда это знать и скажет им: представьте себе, что эта жизнь, от которой вы хотели бы избавиться, выбрана вами. Если они станут следовать этому совету, размышлять, каким образом они могли пожелать такой жизни, они скажут себе: вот оно что, я, может быть, жил в таком воплощении, в котором говорил: как, за этой жизнью последует еще какая-то другая жизнь или инкарнация? — да чепуха, абсурд! — как можно в такое верить?! — ведь эта жизнь исполняется в себе самой, она замкнута в самой себе, она не может послать никаких сил в другую, более позднюю! Да, именно из-за того, что тогда я ощущал следующую жизнь ничтожной и бессмысленной, она и стала ничтожной и бессмысленной! Именно эту мысль я привил себе как силу, которая теперь делает мою жизнь столь пустой и убогой!

Это будет верная мысль. Материализм будет проявляться тогда, так сказать, кармически. Следующее воплощение будет полно смыслом у людей, которые обрели убеждение, что их теперешняя жизнь не исполняется только в самой себе, но содержит в себе предпосылки для жизни последующей. И бессмысленной, пустой и безрадостной будет жизнь тех, кто считал реинкарнацию бессмысленной и сделал этим собственную жизнь пустой и ничтожной.

Итак, мы видим, что наши мысли не переходят в следующую жизнь в более интенсивной форме, но выступают в новой жизни в преображенном виде сил. В духовном мире наши мысли в том виде, в каком они являются в нынешней жизни между рождением и смертью, не имеют значения; они приобретают значение лишь в преображенной форме. Если у кого-то есть, к примеру, великая идея, то какой бы великой она ни была, эта идея как идея, как мысль исчезает, как только человек пройдет сквозь врата смерти. Но воодушевление, ощущение и чувство, обретшие жизнь под влиянием идеи, пройдут сквозь эти врата.

Даже и антропософских идей человек не может взять с собою; он берет только то, что пережито в связи с этими идеями, причем вплоть до частных, а не только общее ощущение. И мы хотим особо подчеркнуть: мысли как таковые имеют настоящее значение лишь для физического плана, если же мы говорим о влиянии мыслей в высших мирах, то нужно одновременно сказать и о преображении мыслей в этих высших мирах. И потому те мысли, которые отрицают перевоплощение, превращаются в новом воплощении во внутреннее ничто, внутреннюю пустоту жизни, а это ничто и эта пустота жизни ощущаются как страдание, как дисгармония. Можно привести сравнение, которое поможет понять, как будут проявляться эти внутренние пустота и небытие. Представьте себе, что вы любите нечто и вам приятно видеть эту вещь, приходя в какое-то место. Например, вы радовались виду цветка, который цвел в определенном месте сада. Если цветок будет срезан чьей-то злодейской рукой, вы почувствуете боль. Когда у вас нет чего-то, что вы любите, когда вы лишены этого, вы ощущаете боль. Такова общая организация человека. Почему человек чувствует боль? Эфирное и астральное тела какого-либо органа помещаются в определенном месте физического тела, и если этот орган порезан, поврежден, то эфирное и астральное тела не могут действовать в нем нормально. Это похоже на то, когда жестокая рука срезает в том месте сада вашу любимую розу. Если орган поврежден, эфирное и астральное тела не находят того, что они ищут, и это воспринимается как телесная боль. Таким образом, те мысли, которые произвел человек и которые продолжают свое действие в будущем, должны в будущем встретиться ему. Но их будет ему не доставать, и он не найдет их, ища в определенном месте, если не перешлет в следующее воплощение никакой веры и никаких сил познания. Тогда эта нехватка чего-то на своем месте будет ощущаться как боль и страдание.

Вот те сведения, которые проясняют нам с определенной стороны кармический ход некоторых реальных жизни. Эти сведения были необходимы, поскольку мы хотим глубже взглянуть в то, каким образом человек может делать еще нечто для познания душевно-духовного ядра собственной сущности.

Вторая лекция. Берлин, 30 января 1912 г

Те рассуждения, которыми мы занимались здесь в прошлый раз, могут в том виде, какой они имели тогда, быть для кого-то еще в чем-то непонятными, а может быть, и сомнительными. Но мы разберем сегодня подробнее те или иные моменты, так что эти вещи должны будут проясниться.

Что, собственно, мы увидели мысленно на последней встрече ветви? Это было для всей сущности человека чем-то похожим на то, что делает человек, когда находится, к примеру, в такой жизненной ситуации, что ему нужно вспомнить о прежних событиях и прежнем опыте. Воспоминание, память — это переживания человеческой души, которые поначалу известны обычному сознанию лишь как состояния той душевной жизни, что протекает между рождением и смертью, а точнее, как мы уже не раз говорили, в период, который начинается только в последние годы детства и заканчивается со смертью человека. Ибо известно, что в пределах обычного сознания мы можем вспоминать события лишь до определенного момента в нашем детстве, а то, что им предшествовало, узнаем лишь от родителей или старших родных и знакомых. Рассматривая охарактеризованный таким образом период человеческой жизни, мы можем говорить в отношении душевной жизни о воспоминании. Здесь невозможно, конечно, вдаваться в тонкости значений слов "воспоминание" или "память", но это для наших целей и не нужно. Мы должны только ясно представить себе, что к тому, что обозначается этими словами, относится именно воспоминание ранее пережитых нами событий и ранее приобретенного нами опыта. То, о чем мы говорили в прошлый раз, было в определенной степени чем-то подобным такому сосредоточенному воспоминанию. Однако это не есть просто нечто сходное с той памятью, которая имеет место в нашей обычной жизни, но некая высшая, расширенная память, которая выводит нас за пределы

этого воплощения, сообщает уверенность в том, что до нынешней земной жизни мы прожили другие земные жизни. И, как мы уже упоминали в прошлый раз, этот высший процесс должен быть сходен с воспоминанием о чем-то пережитом в обычной жизни. Если мы представим себе человека, которому нужно нечто, чему он научился в прежние времена своей теперешней жизни и который настраивает свою душу на извлечение из ее глубин того, что он тогда учил, дабы рассмотреть это своим нынешним взглядом, — если мы живо представим себе этот процесс воспоминания, то увидим совершение действия, относящегося к нашей обычной памяти. То, о чем говорилось в прошлый раз, есть действие, отправление души. Но эти душевные отправления должны бы были вести к тому, чтобы внутри нас в отношении прежних земных жизней возникало нечто похожее на то, что возникает относительно этой земной жизни, когда мы чувствуем, как в памяти всплывает что-то уже пережитое нами. Поэтому нельзя рассматривать то, о чем мы говорили в прошлый раз, как исследование, вполне способное провести нас в прежние земные жизни, или же как нечто такое, что может сразу вызывать правильное представление о том, какими мы были в предыдущих жизнях. Это только вспомогательное средство, как и воспоминание есть вспомогательное средство для того, чтобы извлечь нечто канувшее в глубины душевной жизни. Теперь кратко подытожим, что мы выяснили относительно такого воспоминания о прежних земных жизнях. Лучше всего сделать это следующим образом.

В процессе самопознания мы видим в нашей жизни какие-то события, которые затронули нас, и мы понимаем причину этого. Если с нами случается какое-то неприятное происшествие и мы не совсем понимаем, как это могло случиться, но говорим себе: ты все-таки довольно легкомысленный человек, поэтому нечего удивляться, что с тобой так вышло, — тут, по крайней мере, есть намек на понимание того, что случилось. Но бывает множество других событий, входящих в нашу жизнь, относительно которых мы совершенно не можем представить себе, как они могут быть связаны с нашими душевными силами и способностями. О таких событиях мы в нашей повседневной жизни говорим как о случайностях. Мы говорим о случайностях, когда не понимаем, как удары судьбы и то, что их наносит, связано с нашим внутренним душевным настроем или чем-то еще. Мы обратили внимание также на такие душевные переживания, когда люди каким-то образом вырывают себя при помощи того, что называется нашим обычным "я", из некоего жизненного положения, в котором они оказались. Был приведен пример, когда родители или близкие определяют для человека его профессию и жизненное положение, а он чувствует, что всеми силами хочет избавиться от этого и стать кем-то другим. Обращая взгляд на это из более поздней жизни, мы говорим себе: мы были поставлены в такое жизненное положение, но вырвались из него силою нашего волевого импульса, силою симпатии и антипатии. То есть говорилось о том, что можно, так сказать, повернуть ситуацию, в которой мы оказались против своей воли.

Речь не о том, что при таком воспоминании о прошлом мы должны обращать внимание на все; нужно обращать внимание только на то, что действительно серьезно затронуло нас в жизни. Если, например, кто-то просто не чувствовал в себе призвания или не имел повода стать моряком, то, конечно, такой волевой импульс совершенно неважен для тех рассуждений, которыми мы занимались в прошлый раз. Речь только о тех случаях, когда мы действительно вызвали некий поворот своей судьбы, о таких жизненных положениях, когда мы словно изменили направление своей жизни. И не нужно понимать это так, что в результате этого воспоминания о пережитом, которое совершается по описанным принципам, должны наступить покаяние и возврат: то есть что мы, вспомнив в более поздний период жизни о таких вещах и осознав, что мы совершили такой поворот, должны покаяться, вернуться назад и поставить себя снова в то положение, в которое были поставлены тогда и в котором не пожелали остаться. Речь идет не о практических выводах, а о самом воспоминании таких поворотов в своей жизни. Дело в том, чтобы в отношении того, о чем мы говорим: это произошло с нами случайно — и: мы были поставлены в такое положение, но вырвались из него, — чтобы по отношению к этому вызвать следующее внутреннее переживание. Мы

скажем себе: я представляю, что то, чего я тогда не хотел и из чего я тогда вырвался, было чем-то таким, во что я поставил себя сам при помощи сильнейшего волевого импульса. То есть то, что было человеку антипатично — а он потому и вырывался, что оно было антипатично, — нужно мысленно представить себе, говоря так: я попробую отдаться представлению, что всеми силами я желал этого, и представлю перед душой образ человека, желавшего этого всеми силами. О том же, что мы считали случайностями, попробуем сказать себе, что мы сами были причиной этого. Предположим, мы вспомнили, что в том или ином месте нам на плечо упал камень и причинил довольно сильную боль. Мы должны представить себе, что сами забрались на крышу, выломали из стены камень, так что он мог в следующую минуту упасть вниз, а потом быстро сбежали обратно, чтобы камень упал на нас. Тут неважно, что это странные представления, важно то, чего мы хотим этим добиться.

Теперь перенесем себя в душу человека, образ которого мы сконструировали так, будто он хотел всего того, что с нами произошло "случайно", и желал всего, из чего мы вырывались. Но если проделать такое упражнение два, три, четыре раза, в душе ничего не произойдет; однако произойдет очень многое, если стараться найти как можно больше подобных событий своей жизни, а найдя их, делать это упражнение. Если повторять его снова и снова и представлять себе все по-настоящему живо, если имажинативно воображать себе того человека, который хотел всего того, чего мы не хотели, тогда можно узнать, что вызванный мысленно человеческий образ уже не отпускает нас, что он производит на нас такое странное впечатление, будто он действительно есть нечто связанное с нами. Когда умение проводить это самоиспытание будет отточено, мы вскоре станем находить сходство между таким настроением и таким построенным образом, с одной стороны, и вызванным из памяти представлением, в котором чувствуется, что оно является как воспоминание-представление. Разница только в том, что при обычном процессе воспоминания, когда из души вызывается такое представление, мы имеем дело преимущественно с представлениями, а то, что оживает в душе, когда мы проделываем вышеописанные упражнения, есть нечто подобное чувству, нечто, скорее связанное с нашими душевными настроениями, нежели с нашими представлениями. Мы чувствуем себя в каком-то удивительном положении относительно нарисованной нами картины. Причем не столько сама картина, сколько ощущения, которые мы испытываем, производят впечатление, подобное воспоминаниям-представлениям. И если постоянно повторять и повторять это упражнение, то эмпирическим путем, словно по своей внутренней очевидности, обретается, скажем, знание того, что построенный образ становится чем-то определенным, как воспоминание-представление может становиться все яснее и яснее, в то время как раньше, при произвольном воспоминании, он еще еле показывался из глубин души и был темен. То есть важно не то, что человек себе представляет; важно, чтобы представляемое видоизменялось, становилось чем-то иным. Подобный процесс происходит, когда кто-то хочет припомнить чье-то имя, он думает, думает, потом нечто отзывается в его памяти, и он говорит: "Нус... баумер", но тут же чувствует, что это не то, а потом, по каким-то недоступным самому человеку причинам, возникает нужное имя, например "Нусдёрфер". И как здесь взаимосоздаются имена "Нусбаумер" и "Нусдёрфер", так же постепенно исправляется и образ; он изменяется, и при этом человек чувствует: ты снискал нечто такое, что живет в тебе, и по тому, как оно в тебе живет и как соотносится с остальной твоей душевной жизнью, оно ясно показывает тебе — в подобной форме такие вещи не могли быть в тебе в этом воплощении! И тогда приходит большая внутренняя ясность, что это нечто, живущее в нас, принадлежит прошлому. Нам нужно теперь только понять, что тут мы имеем дело с видом памяти, который может быть развит в человеческой душе. Этой памяти нужно дать другое имя, чтобы отличать ее от обыкновенной памяти. Обыкновенную память можно было бы назвать "воспоминанием-представлением", а ту, о которой идет речь сейчас, следовало бы назвать некоторым родом "воспоминания-чувства", "воспоминания-ощущения". Что это некоторым образом оправдано, покажут вам следующие соображения.

Подумайте: наши обыкновенные воспоминания, наша обыкновенная память в самом

деле создают некие воспоминания-представления. Сообразите, как возникает в вашей памяти какое-нибудь особенно неприятное событие, совершенно сразившее вас лет двадцать тому назад. Возможно, это событие представляется вам образно и во всех подробностях, но той боли, которую испытали в то время, вы не чувствуете в своих воспоминаниях так, как чувствовали тогда. Эта боль в представлении, всплывшем в памяти, каким-то образом стерлась. Разумеется, тут могут быть разные степени, и может случиться, что нечто поразило человека настолько, что он, вспоминая о пережитом, опять и опять испытывает новую, сильную боль. Но общее положение, высказанное сейчас, все же остается в силе, и мы можем заключить из этого, что наши воспоминания о нынешнем воплощении суть воспоминание представлений, в то время как пережитые чувства и даже волевые импульсы возникают в душе, не имея той же интенсивности; во всяком случае, они несравнимы с первоначальными. Вообразите только какой-либо характерный пример, и вы увидите, сколь велико различие между всплывающим в памяти представлением и тем, что в обычной жизни в нынешнем воплощении остается от испытанных чувств и волевых импульсов. Представьте себе, скажем, человека, пишущего мемуары. Возьмем Бисмарка, который дошел в своих мемуарах до того момента, когда он готовился к немецко-австрийской войне 1866 года, и представьте, что должно было происходить в душе Бисмарка в тот невероятно критический момент, когда он управлял событиями вопреки целому миру предрассудков и целому миру волевых импульсов. И вот вы уже не можете представить себе, как все это жило в душе Бисмарка, но видите, что все, что он тогда пережил непосредственно под впечатлением происходившего, погрузилось в глубины его души. Вы видите, насколько поблекли чувства и волевые импульсы, когда Бисмарк писал мемуары, по сравнению с тем временем, когда он вершил эти дела. Любому должно стать ясно, каково различие между аспектом представлений и тем, что принадлежит области чувств и волевых импульсов.

Тот, кто немного знаком с антропософией, поймет и то, о чем говорилось уже неоднократно с других точек зрения, а именно что процесс представления, представление, имеющее характер памяти, является в нашей душевной жизни тем, что — будучи возбуждаемо извне, внешним миром, в котором мы живем в наших физических телах, — имеет в этом случае значение только для одного этого воплощения. Мы всегда приводили из антропософских принципов ту великую истину, что все представления, все понятия, которые мы усваиваем, воспринимая нечто своими чувствами, опасаясь чего-либо в жизни или надеясь на что-либо, — речь идет об относящемся к представлениям, а не к душевным импульсам — что все представления, которые мы получаем в жизни, исчезнут очень скоро после того, как мы пройдем сквозь врата смерти. Ибо представления относятся к тому, что минует в физической жизни, что сохраняется в наименьшей степени. Но всякий, кто вообще с какой-либо стороны пытался вникнуть в законы реинкарнации и кармы, легко поймет — я уже и здесь упоминал об этом, — что наши представления, поскольку мы усваиваем их в жизни, протекающей в отношении к внешнему миру или к вещам физического плана, находят свое выражение в языке, и потому мы можем некоторым образом связывать речь с жизнью представлений. Всякий знает, что изучать язык приходится в каждой отдельной инкарнации. Ибо, хотя совершенно ясно, что множество современных гимназистов жили в одном из прежних своих воплощений в Древней Греции, изучать греческий язык никому не становится легче из-за того, что он может вспомнить, как говорил по-гречески в прежнем воплощении. Язык в полной мере является выражением жизни представлений, и судьба языка подобна судьбе жизни представлений; поэтому представления, живущие в нас и относящиеся к физическому миру, и даже те представления, которые мы должны получать о высших мирах, всегда определенным образом окрашены впечатлениями физического мира. Только если мы сможем проникнуть взором сквозь этот символ, мы увидим то, что могут сообщать представления о высших мирах. Но те непосредственные представления, которые мы можем приобрести здесь, в физическом мире, определенным образом связаны с жизнью между рождением и смертью. После смерти мы как раз не образуем представления так, как делаем это здесь; но там мы видим представления, там они являются нашими восприятиями,

там они присутствуют так, как в физическом мире присутствуют краски или звуки. В то время как в физическом мире то, что человек воображает с помощью представлений, берется им только выраженным в физическом материале — чего легко можно не заметить, — в бестелесном состоянии представления предстают нам такими, каковы здесь краски или звуки. Человек не может, правда, видеть красного или синего, как он видит эти цвета здесь, своими физическими глазами, но то, чего он здесь не видит, о чем он здесь создает себе представления, там для него подобно красному, зеленому цвету или какому-либо звуку в этом мире. В то время как в физическом мире то, с чем мы знакомимся лишь в виде представлений — а лучше сказать, в виде понятий в смысле, вложенном в этот термин в "Философии свободы", — возможно увидеть лишь сквозь оболочку жизни представлений, для бестелесной души предстает так, как физический мир для обыкновенного сознания.

В физическом мире есть люди, которые полагают, что, кроме вещей, дающих чувственные впечатления, больше, собственно, ничего и не существует. А то, что можно уяснить себе лишь при помощи понятия, — к примеру то, как можно охватить все, что могут дать чувства, понятием "ягненок" или, скажем, понятием "волк", то есть то, что позволяет разобраться в материальном, — может даже отрицаться теми, кто не желает придавать значение ничему, кроме чувственных впечатлений. Мы можем сказать: человек в своих представлениях способен создать себе картину, образ всего, что он видит в ягненке, и так же может создать образ всего, что видит в волке. И вот обычное воззрение пытается внушить человеку, что нечто образуемое при этом в форме понятий нужно оценивать не выше "всего лишь понятия". Но если мы посадим волка в клетку и в течение продолжительного времени будем кормить его одними ягнятами — так что, если он раньше ел что-либо другое, оно как материя уже вне его, а он наполнен одною только ягнячьей материей, — то ведь никто не поверит, что волк благодаря этому стал ягненком. Очевидно, что понятие, разъясняющее чувственное впечатление, является реальностью. Нельзя отрицать: то, что образует понятие, умирает. Но то, что живет в волке или в ягненке, входит в его состав и не может быть увидено физическим оком, это становится зримым, начинает восприниматься в жизни между смертью и новым рождением.

Итак, если сказано, что представления связаны с физическим телом, то никто не должен выводиться отсюда, что у человека в жизни между смертью и новым рождением отсутствуют представления, или лучше сказать, содержание представлений. Исчезает только то, что вырабатывает представления. Наша жизнь представлений, как мы знаем ее в физическом мире, имеет значение только для жизни в этом воплощении. И я уже упоминал, как в связи с сознанием, что жизнь представлений, имеющая значение для чувственного мира конкретной инкарнации, относится лишь к этой инкарнации, — упоминал о том, как Фридрих Хеббель записал в дневнике любопытный план драмы. У Хеббеля была идея, что перевоплотившийся Платон учится в гимназии и, понятно, производит на учителя самое плохое впечатление, получая худшие оценки именно из-за полного непонимания учения Платона! Это также указывает на то, что идейная система Платона, жившая в нем в виде мысли, не передается в той же самой форме в следующую инкарнацию.

Чтобы разумно осмыслить эти вещи, нужно рассмотреть душевную жизнь человека под определенным углом зрения. Нужно задать себе вопрос: какое содержание несем мы с собой в душевной жизни?

Первое — это наши представления. То, что эти представления, спаянные с чувствами, могут создавать волевые импульсы, не мешает нам говорить об особой жизни представлений в нашей душе. Ибо, если и есть люди, которые почти не в состоянии задержаться на, можно сказать, чистом, голом представлении, которые, если они что-то себе представляют, сразу воспаляются сильной симпатией или антипатией, то есть немедленно переходят к другим душевным импульсам, это не мешает тому, что жизнь представлений может быть отделена от иных душевных содержаний.

Второе, что мы несем в нашей душевной жизни, — внутренние чувства, переживания. Они проявляются в нас достаточно многообразно. Во-первых, в душевной жизни есть

общеизвестная антитеза, которую называют симпатией и антипатией, с какой мы подходим к вещам, а если выразиться яснее: любовью и ненавистью. Затем здесь имеются чувства, которые, можно сказать, вызывают известное возбуждение, а есть такие, которые вызывают напряжение и расслабление. Их нельзя смешивать с чувствами симпатии и антипатии. Ведь душевный импульс, который можно назвать напряжением, возбуждением и расслаблением, есть нечто отличное от того, что проявляется при чувствах симпатии и антипатии. Но пришлось бы много говорить, чтобы охарактеризовать различные типы душевных содержаний. К ним относятся также и те чувства, которые можно назвать чувством прекрасного и чувством безобразного, которые выступают в виде совершенно особых душевных содержаний, которые нельзя сравнивать или, во всяком случае, смешивать с чувствами простой симпатии или антипатии. Затем особым типом чувств можно было бы считать чувства добра и зла. Сегодня не время разбирать, по каким причинам наши внутренние переживания в связи с добрым или злым деянием являются чем-то совершенно иным, нежели чувство симпатии или антипатии по отношению к доброму или злему действию, и говорить о том, что мы любим доброе действие и ненавидим злое. Итак, чувства выступают в самом разнообразном виде и мы можем отличать их от представлений.

Третьим родом душевных переживаний являются волевые импульсы, жизнь воли. Этот род опять-таки нельзя смешивать с тем, что можно назвать чувствами, или переживаниями, поскольку они должны или могут оставаться заключенными внутри нашей душевной жизни по самому способу их переживания. Волевому импульсу присуще то, что выражается в душе так: ты должен это сделать, ты не должен этого делать. Ибо нужно научиться различать просто чувство, возникающее оттого, что нечто в себе самом или в других кажется человеку добрым или злым, и то, что проявляется в душе сверх этого чувства, когда что-то требует от нас делать добро или оставить зло. Суждение, оценка может остановиться на чувстве, но волевые импульсы — это нечто иное. И хотя между жизнью чувств и импульсами воли есть какие-то переходы, просто смешивать их нельзя хотя бы по обычному житейскому опыту. В человеческой жизни повсюду есть переходы. Есть люди, которые не в состоянии приходить ни к каким чистым представлениям, но тотчас выражают, что они любят и что ненавидят, которых все время кидает из стороны в сторону, так как они не могут отделить своих чувств от своих представлений. Есть также другие люди, которые, если что-то видят, то не могут удержаться от действия, соответствующего волевому импульсу даже совершенно неправомерного действия. Это тоже не ведет ни к чему хорошему, выражаясь затем в форме kleптомании и т. д. Тут нет упорядоченных отношений между чувствами и волевыми импульсами. Но по-настоящему эти вещи нужно различать строжайшим образом. Итак, в нашей душевной жизни мы живем в элементе представлений, в элементе переживаний и элементе волевых импульсов. Мы много раз рассматривали этот вопрос — без понимания его нельзя обойтись, если есть желание охватить взором всего человека.

Таким образом, мы попытались сказать нечто о том, что может убедить нас, что жизнь представлений есть нечто связанное с одной инкарнацией между жизнью и смертью. Мы ведь видим также, как мы вступаем в жизнь и усваиваем жизнь представлений. Так не происходит ни с чувственной, ни с волевой жизнью. О том, кто решился бы утверждать, что с ним дело обстоит так же, можно было бы подумать, что он никогда осмысленно не наблюдал развитие ребенка. Стоит только посмотреть на ребенка: какой он еще совсем глупый в смысле жизни представлений, как с помощью своих представлений он вообще не может установить связь с окружающим миром, но как при этом он, напротив, обладает выраженными симпатиями и антипатиями и как у него проявляются волевые импульсы, возбуждающие или успокаивающие. Та определенность, с которой проявляются импульсы воли, заставила даже одного философа — Шопенгауэра — поверить, что характер человека вообще невозможно изменить в жизни. Это неверно, характер может быть изменен. Но когда мы вступаем в физическую жизнь, дело обстоит таким образом, что приходится сказать: с чувствами и волевыми импульсами все совсем не так, как с представлениями, но мы вступаем в инкарнацию с совершенно определенным характером наших чувственных

переживаний и волевых импульсов. При правильном наблюдении мы могли бы уже догадаться, что у нас в наших чувствах и волевых импульсах заложено нечто, приносимое нами из прежних воплощений. Но возьмите это все в виде чувствующей памяти в противоположность памяти представлений в пределах одной жизни. На практике нельзя придавать значение только воспоминаниям-представлениям. Все, что мы развиваем в жизни представлений, не может привести нас к тому, что вызвало бы такое впечатление, которое сказало бы нам, если бы мы его правильно поняли, следующее: в тебе есть нечто, что вступило в эту инкарнацию с твоим рождением. Тогда мы должны выйти за пределы жизни представлений, и тут воспоминание становится чем-то иным. Примеры я уже приводил. Как мы вспоминаем? Мы вспоминаем не так, что просто представляем: это было в нашей жизни случайно, с тем мы столкнулись, мы были в такой-то жизненной ситуации, мы ее покинули и так далее. Мы не можем остановиться на представлениях, но должны оживить их, сделать подвижными, как если бы перед нами стоял образ некоей личности, которая хотела всего этого, которая хотела этого нашими желаниями, волевыми импульсами, внутренними переживаниями и так далее. Мы должны вжиться в это хотение. Таким образом, это совсем иное вживание, нежели вживание в жизнь представлений при воспоминании; это вживание в иные душевные силы, если можно употребить такое выражение.

Эта практика развивать некое душевное содержание, желая, хотя, вождедая, — а она была известна и применялась во всех оккультных школах, это была общая оккультная практика — хорошо объясняется и понимается при помощи того, что мы можем сказать на основе антропософского или иного познания о жизни представлений, чувств и воли. Итак, ясно скажем себе, что на основе определенных содержаний жизни чувств и жизни воли мы должны развить нечто такое, что в какой-то мере подобно представлениям-воспоминаниям, однако в то же время не останавливается на одних представлениях, но дает нам возможность развить другой род памяти, а именно такой, который постепенно выведет нас за пределы жизни, заключенной между рождением и смертью в одной инкарнации.

Нужно особенно подчеркнуть, что путь, описанный здесь, является абсолютно надежным и благим, но он требует самоотверженности. Легче по каким-либо внешним причинам вообразить себе, что ты был в предыдущем воплощении Марией-Антуанеттой или Марией Магдалиной или кем-то еще. И труднее прийти описанным способом к картине того, чем ты был на самом деле, исходя при этом из присутствующего в душе, из действительно присутствующего. Это требует самоотверженности прежде всего потому, что обычно человек испытывает достаточно сильное разочарование. И если бы кто-то сказал, что все это может быть самообманом, то следовало бы ответить, что и в отношении своих воспоминаний можно измышлять нечто, не соответствующее истине. Все это несерьезные возражения. Ведь сама жизнь дает некий критерий для отличения воображения от фантазий.

В одном южнонемецком городе мне сказали однажды, что все, изложенное в моем "Очерке тайноведения" может основываться на простом внушении, подобно тому как существуют другие очень живые внушения, когда доходят даже до того, что человек не пьет лимонада, а только живо представляет себе лимонад и чувствует вкус лимонада во рту. Если возможно такое, то отчего бы не быть возможным — так подумал тот, кто задавал мне вопрос, — что и изложенное в "Очерке тайноведения" также основывается на внушении? Теоретически такое возражение можно принять. Но жизнь заставляет подумать вот о чем: если кто-то думает показать на примере с лимонадом, насколько сильно может действовать внушение, на это можно возразить, что он не продумал пример до конца; нужно попробовать не просто представить себе лимонад, а утолить воображаемым лимонадом жажду-он увидит, что это не получится. Важно всегда доходить до конца в осмыслении нашего опыта. Но это происходит не в теории, а познается лишь непосредственно в самой жизни. И с какой точностью мы знаем, что пережили нечто, что всплывает из представлений-воспоминаний о жизни, с такою же достоверностью выступает и то, что из глубин души всплывают те волевые импульсы, которые мы вызываем относительно случайного и нехотевшегося и которые всплывают в виде образа нашей прежней земной жизни с такой же необходимостью,

что и представления-воспоминания. И тому, кто все-таки будет говорить, что это может быть игрою воображения, мы не можем ничего доказать, как нельзя привести никаких теоретических доказательств того, что многие люди, по их убеждению, испытали, а на самом деле определенно не испытывали, или того, что с ними в действительности было. Как нельзя теоретически доказать одно, так нельзя теоретически доказать и другое. Итак, положение тут точно такое же, как и в жизни в пределах одной инкарнации.

Мы показали, что прежняя жизнь посылает свет в нынешнюю земную жизнь, что мы на самом деле обладаем возможностью путем старательного развития души создать у самих себя убеждение — не только теоретическое убеждение в реальности перевоплощения, но и практическое убеждение в том, что в нас находится подверженная реинкарнации душевная сущность, о которой мы доподлинно знаем: она есть нечто, уже бывшее на земле прежде.

Но все же в нашу жизнь входят и переживания совсем иного рода, о которых мы не можем сказать, что они входят в нашу жизнь подобно воспоминаниям о прежней земной жизни. В самом деле, есть такие переживания, относительно которых нужно сказать: в том виде, в каком они выступают перед тобою, они не могут быть объяснены из твоей прежней жизни! Сегодня мы укажем лишь на один род таких переживаний. И начну я с типичного примера. То, что я привожу здесь в качестве примера, может происходить ста или тысячью разными способами, но то, что происходит, в любом случае сходно с тем, что я приведу в качестве типичного примера.

Возьмем человека, который идет где-нибудь в лесу, причем шагает задумавшись и потому забыл, что идет по лесной дороге, непосредственно прилегающей к глубокой пропасти — стоит сделать несколько шагов в сторону. Я хочу представить это именно таким образом; так это вполне могло происходить, и очень похожий случай мне известен — я уже приводил этот пример в другой лекции. И вот, человек чем-то очень увлечен и, углубившись в раздумья, подходит близко к пропасти, причем идет так быстро, что всего два-три шага, и он не сможет удержаться, свалится вниз — его жизни придет конец. Но в тот момент, когда он готов сделать эти роковые шаги, он слышит голос: "Остановись!" Голос производит на него такое впечатление, что он останавливается как вкопанный. Он думает, что здесь есть кто-то, кто его спас — ведь он уже понял, что его жизни настал бы конец, если бы его не остановили таким образом. Он осматривается по сторонам — и никого не видит.

Человек, мыслящий материалистически, скажет: по каким-то причинам в глубине души этого человека возникла слуховая галлюцинация, и то, что человек благодаря этому был спасен, есть просто счастливая случайность. Но можно объяснить это иначе, по меньшей мере можно высказать такое предположение. Я сейчас просто приведу это иное объяснение, так как это можно рассказать, но не доказать. Можно сказать себе: в этот момент, когда ты пришел к кармическому кризису, процессы, происходящие в духовном мире, по сути дела, даровали тебе твою жизнь. Если бы все шло так, как шло, а этого события не случилось, твоя жизнь закончилась бы. А теперь словно некая новая жизнь добавлена к прежней. Эта новая жизнь — своего рода подарок, и ты должен теперь благодарить за свою жизнь силы, стоящие за раздавшимся голосом! Такие переживания могли бы испытать многие, многие люди нашего времени, если бы занимались настоящим самопознанием. Ибо в жизни многих, многих людей нашего времени такие события происходят. И дело не в том, что с людьми не бывает таких событий, а в том, что люди не обращают на них должного внимания, проходят мимо них. Ведь подобное может происходить не обязательно с такой ясностью, как в описанном случае, но и так, что при обычной своей невнимательности люди могут проходить мимо таких событий.

Я когда-то говорил о том, в какой значительной мере люди могут не замечать того, что происходит в их непосредственном присутствии. Характерным примером того, как люди не обращают внимания на происходящее вокруг, является следующий случай. Я знал одного школьного инспектора, который жил в стране, где был введен закон, что учителя пожилого возраста, не сдававшие определенных экзаменов, должны были подвергаться дополнительной аттестации. А этот школьный инспектор был весьма гуманным человеком и

сказал себе: ну, этих молодых, которые только что сами закончили учебу, можно спрашивать обо всем; но спрашивать пожилых людей, которые работают уже по двадцать-тридцать лет, так же, как молодых, это жестоко, этого делать нельзя. Лучше я буду задавать им вопросы по тому материалу, что есть в книгах, по которым они учат детей из года в год. И что же оказалось? Большинство не знало ничего из того, что они сами преподавали своим ученикам! А ведь это был такой экзаменатор, о каких говорят: уж он-то умеет вытянуть из человека все, что тот знает!

Это только пример того, как бывают невнимательны люди в отношении происходящего вокруг них, даже когда речь идет о них самих. Поэтому не стоит удивляться, что в жизни многих, многих людей можно найти примеры, подобные только что приведенному. Лишь при настоящем, чутком самонаблюдении можно обнаружить событие, подобное вышеописанному. Если же испытать по отношению к этому событию истинное благоговение, то, возможно, возникнет совершенно особенное чувство, такое чувство, что жизнь подарена тебе в этот день и что с этого дня ее нужно использовать особым образом. Это благое чувство, и оно действует подобно процессу воспоминания, когда человек говорит себе: ты был в состоянии кармического кризиса, твоя жизнь должна была закончиться! Если человек погрузится в это благоговейное чувство, тогда придет нечто, выступающее поначалу в том, что он скажет: это не такое представление-воспоминание, каких я испытал в жизни немало, это что-то совершенно особенное!

В следующей лекции я скажу вам более точно о том, что сегодня можно только кратко наметить. Ибо в том виде, как это сейчас означено, один великий посвященный нового времени испытывает, кого он может считать способными стать его последователями. Ведь те вещи, которые должны включить нас в состав духовного мира, сами исходят из духовных фактов, происходящих вокруг нас, или же из правильного понимания этих фактов. И такой голос, который нередко приходится слышать многим людям, не должен рассматриваться как галлюцинация, ибо этим голосом сам вождь, которого мы называем Христианом Розенкрейцем, обращается к тем, кого он избрал из множества других людей как своих возможных последователей. Таким образом, зов исходит от индивидуальности, о которой мы еще будем говорить — она жила в XIII в. в особой инкарнации, — так что человек, переживающий нечто подобное, может видеть в этом приметку, опознавательный знак, благодаря которому он может найти себе место в составе духовного мира. Может быть, немногие смогут обратить внимание на этот зов. Но антропософия будет трудиться над тем, чтобы люди обратили внимание на такой зов, если не сейчас, не в этой инкарнации, то хотя бы позднее. Для большинства людей, переживающих нечто подобное, дело обстоит так, что тот процесс, который можно опи-сать следующим образом — к человеку подходит тот посвященный, который решил, что этот человек может принадлежать к его течению, — этот процесс происходит не в период инкарнации, а в жизни между смертью и теперешним рождением; это является указанием на то, что нечто происходит в жизни между смертью и следующим рождением и что эти процессы важны, даже важнее тех, что происходят между рождением и смер-тью. Может быть и так, а в отдельных случаях точно бывает так, что некоторые принадлежащие к Христиану Розенкрейцу люди были определены для этого еще в предшествующем воплощении. Но для большинства это предназначение, отражающееся в таком событии, состоялось в их последней жизни между смертью и новым рождением.

Я говорю это не для того, чтобы поведать нечто поразительное, и не для того, чтобы рассказать об этом событии, но по особой причине. И я хотел бы обратить внимание еще на одно — исхожу из опыта, который я имел неоднократно в нашей антропософской жизни: то, что говорится один раз, легко забывается или помнится не таким, как было сказано. Так случается в нашей антропософской жизни. По этой причине я иногда твержу по несколько раз важные, существенные вещи не потому, что просто повторяюсь. Потому-то и сегодня я говорю еще раз, что многие люди нашего времени прошли через такое событие, какое было сейчас описано, и то, что они об этом не знают, связано не с тем, что это не так, а с тем, что они не могут этого вспомнить, так как недостаточно внимательны к таким вещам. Поэтому

сказанное должно быть утешением человеку, если он будет вынужден сказать себе: я не нахожу ничего такого, значит, я не принадлежу к таким избранным! Но вы можете быть уверены, что в наше время живет бесчисленное множество людей, переживших нечто подобное. Но я хотел лишь предпослать эти слова объяснению истинной причины того, почему я стал об этом говорить.

Такие вещи рассказываются, чтобы снова и снова обращать внимание на то, что мы должны находить связь нашей душевной жизни с духовными мирами с помощью конкретного способа, а не абстрактных теорий и что антропософская духовная наука должна стать внутренней силой нашей жизни, а не просто теоретическим мировоззрением. Мы должны не просто знать, что существует духовный мир и человек к нему принадлежит. Мы должны, проходя по жизни, не просто наблюдать вещи, которые воздействуют на наше чувственное мышление, но внимательно постигать те взаимосвязи, которые показывают нам: ты включен в духовный мир, ты включен в него тем или иным образом.

Итак, мы обращаем внимание именно на такую конкретную включенность, реальную для данного отдельного человека. Другие, вове, тоже пытаются теоретически обосновать нечто подобное, утверждая, что мир может обладать духовным началом и что человека нельзя рассматривать материалистически, но что он может нести в себе духовное. Наше антропософское мировоззрение отличается от таких воззрений тем, что устанавливает для конкретного человека: ты состоишь именно в такой взаимосвязи с духовными мирами! Мы сможем подниматься все выше и выше, приближаясь к таким вещам, которые покажут нам, как мы должны наблюдать мир, чтобы понять нашу причастность духу великого мира, макрокосмическому.

Третья лекция. Штутгарт, 20 февраля 1912 г

Если мы возьмемся наблюдать жизнь такой, как она разыгрывается вокруг нас, как она, так сказать, захлестывает своими волнами нашу душу и все то, что мы сами во время нашего физического земного существования ощущаем, от чего страдаем, чему радуемся, то увидим несколько отдельных групп, или видов событий.

Во-первых, мы находим — когда обращаем внимание скорее на самих себя, на то, какие в нас заложены способности и таланты, — что, если нам что-то удастся, то можно сказать: ну, ведь мы же такие-то и такие-то люди, поэтому вполне понятно, что то-то и то-то должно было нам удался. Но и определенного рода неуспех, то, что нам не удалось и что мы поэтому называем неудачей или несчастьем, мы также можем находить понятным в общем контексте нашего существа.

Быть может, в таких случаях у нас не всегда будет получаться точно показать, как тот или иной неуспех, та или иная неудача связаны с нашей неспособностью к той или иной деятельности. Однако, если мы скажем себе в общем: ты был в своей земной жизни во многих отношениях легкомысленным человеком и можешь из этого заключить, что при определенных обстоятельствах у тебя вполне заслуженно могла произойти неудача, — тогда мы, быть может, и не увидим непосредственной связи между неудачей и неспособностью, но в целом все же найдем понятным, что, раз мы были легкомысленны, не могло все идти как по маслу.

Исходя из того, что сейчас описано, вы можете думать, что существует известного рода причинная связь между тем, что должно было произойти вследствие наших способности или неодаренности, и тем, что произошло реально. Но в жизни есть множество вещей, для которых мы, сколь бы тщательно их ни исследовать, не сможем установить очевидной причинной связи между успехом или неуспехом и способностями или их отсутствием; здесь для нас останется в определенной степени непонятным, почему мы провинились в одном случае и почему совершили нечто достойное в другом. Короче говоря, если мы обратим большее внимание на нашу внутреннюю жизнь, то сможем различить две группы событий, переживаний. Одна группа — та, где нам ясно, каковы причины наших успехов и неудач;

другая группа — та, где такая взаимосвязь не прослеживается. В этой последней группе нам будет казаться более или менее случайным, что именно это нам не удалось, а именно то — удалось. Пока мы заметим только, что в жизни эта последняя группа охватывает значительное число происшествий и фактов, и позднее мы о ней поговорим.

Теперь, в противоположность тому, о чем только что говорилось, обратим наш взор в большей мере на нашу внешнюю судьбу. В отношении нашей внешней судьбы мы также столкнемся с двумя группами фактов. Мы можем наблюдать такие случаи, при которых нам в душе бывает ясно, что некоторые события, произошедшие с нами — то есть не то, что мы сами совершили, — мы сами вызвали, сами были им виною. Но о другой группе мы будем склонны сказать: мы не видим тут связи с тем, чего мы хотели, с тем, какие у нас были намерения. Это такие события, о которых в обычной жизни говорят, что они ворвались в нашу жизнь случайно, не будучи, как видно, связаны ни с чем вызванным нами самими.

Именно эту вторую группу событий мы и хотим сейчас рассмотреть в связи с внутренней жизнью, то есть речь пойдет о событиях, которые мы не можем осознать как связанные прямо и непосредственно с нашими способностями и их отсутствием, о таких внешних событиях, которые мы называем случайными, в которых мы с первого взгляда не увидим ничего такого, что было бы вызвано какими-то нашими прежними действиями.

Теперь попробуем произвести с этими двумя группами переживаний некий эксперимент. Эксперимент ведь сам по себе ни к чему не обязывает. Мы просто испытаем то, о чем нам нужно сказать и что нужно охарактеризовать.

Мы можем проделать этот эксперимент, представив себе следующее: что было бы, если бы мы мысленно построили некоего "искусственного" человека, чтобы об этом выдуманном человеке можно было сказать, что он наделен такими свойствами и способностями, которые вызывают вещи, непонятные для нас, вещи, которые мы не можем никак связать с нашими собственными способностями. То есть это будет человек, обладающий такими способностями, что ему должно удаваться или не удаваться то, о чем мы не можем сказать исходя из наших собственных способностей, что нам это удастся или не удастся. Таким образом, мы представляем его себе в виде человека, который нарочно, совершенно намеренно вызывает вещи, происходящие в жизни, как нам кажется, случайно.

Можно объяснить это на простых примерах. Допустим, сверху упала черепица и повредила нам плечо. Мы склонны сказать об этом: случайность. Но попробуем сконструировать для начала в виде эксперимента такого человека, который бы поднялся на крышу, быстро высвободил там одну черепицу, но так, чтобы она еще как-то держалась; затем этот "искусственный" человек должен сбегать вниз, чтобы плитка упала прямо на него. То же самое мы можем проделать со всеми событиями нашей жизни, которые кажутся нам случайными. Мы строим "искусственного" человека, который виноват во всем и вызывает все, о чем мы в обычной жизни не можем сказать с уверенностью, как это связано с нами самими.

Поначалу такое занятие может показаться чистой игрой воображения. Оно ни к чему не обязывает. Но когда делаешь это, выясняется одна любопытная вещь. Если выдумать такого человека и наделить его описанными качествами, то этот понарошку созданный нашей мыслью человек будет производить на нас очень странное впечатление. Хотя этот человек, казалось бы, построен совершенно произвольно, мы не можем освободиться от его образа, который себе нарисовали; этот образ притягивает нас, он создает впечатление, будто он все же имеет с нами нечто общее. Это является следствием уже одного только ощущения, которое испытывает человек по отношению к этому искусственному, мысленно представленному человеку. Если же погрузиться в этот образ достаточно глубоко, он уж точно не отпустит человека. В нашей душе происходит удивительный процесс, который можно сравнить со следующим: мы приходим к внутреннему душевному процессу, который совершается в человеке каждое мгновение. Мы можем думать о чем-то, можем принимать решения. Для этого нам бывает нужно то, что мы знали раньше, и мы употребляем все возможные искусственные средства для того, чтобы вспомнить то, что мы знали. При этом

напряжении, при попытке вызвать в памяти нечто выпавшее из нее, мы совершаем, конечно, душевный процесс, который в обычной жизни называется припоминанием. А все те мысли, которые приходят нам на помощь, когда мы хо-тим что-то вспомнить, являются вспомогательными мыслями. Попробуйте представить себе, сколько таких мыслей нередко приходится применять, если вы хотите достичь того, что желаете знать, а потом оставлять их. Подобные вспомогательные мысли должны служить ключом к искомому, к тому, что нам и требуется в данное время.

Именно таким вспомогательным процессом, только с гораздо большим охватом, является этот мысленно представленный человек. Он больше не отпускает нас, он работает в нас так, что мы говорим: он есть нечто, живущее в нас в качестве мысли, продолжающее действовать и преображающееся в нас. Он в самом деле преображается в идею, в мысль, которая выступает подобно тому, что приходит нам в голову, когда мы предаемся обычному процессу воспоминания, которая выступает как нечто покоряющее нас. Словно что-то говорит: он не может оставаться неизменным, он проявляет жизнь, становится чем-то иным! И это что-то настойчиво пристаёт к нам — проделайте сами этот эксперимент! — пристаёт, говоря: да, это имеет нечто общее с каким-то иным твоим земным существованием, нежели нынешнее. Эта мысль определенно выступает в виде своего рода воспоминания об ином земном существовании. Это скорее чувство, чем мысль, это ощущение, но такое, будто мы чувствуем выступающее у нас душе как то, чем мы были некогда в прежней инкарнации на этой Земле.

Антропософия, взятая как целое, не есть просто некая сумма теорий, сообщений о наличных фактах, она предписывает и объясняет нам, как достичь того или иного. Антропософия говорит: если ты будешь делать то-то и то-то, тебе все легче будут даваться воспоминания. Можно также сказать — и это основано сугубо на опыте: если ты будешь поступать так-то, ты получишь душевное, переживаемое впечатление о человеке, которым ты был прежде. Тут мы подходим к тому, что можно было бы назвать распространением нашей памяти. Пока мы строим описанного мысленного человека, то, что раскрывается нам здесь, остается только фактом мысли. Но мысленный человек не остается таковым. Он превращается в ощущаемые, душевные впечатления, и когда это происходит, мы знаем: в том, что мы ощущаем, мы имеем нечто, связанное с нашим предыдущим воплощением. Наша память распространяется на нашу прежнюю инкарнацию.

В теперешнем воплощении мы вспоминаем о вещах, в которые погружаемся своими мыслями. Вы все знаете, что относительно легко вспоминается то, в чем жили, отражались наши мысли. Но обыкновенно не так легко предстает впоследствии в сознании то, что отражалось в сфере наших чувств. Если вы попытаетесь вспомнить о том, что причинило вам большую боль десять или двадцать лет тому назад, то в вашей памяти легко сможет возникнуть представление. Вы перенесетесь в своих представлениях в то, что происходило тогда. Но вы не сможете достичь живого ощущения испытанной тогда боли. Боль утихает, и воспоминание о ней выливается в наше представление. То, что сейчас описано, — это душевная память, память сердца. И мы действительно так чувствуем нашу прежнюю инкарнацию. Действительно так выступает то, что мы можем назвать воспоминанием о прежних инкарнациях. Нельзя понять, что является носителем воспоминания о прежних инкарнациях, так просто, как мы понимаем происходящее в теперешнем воплощении. Подумайте только, насколько тесно наши представления срослись с выражением этих представлений, с нашим языком. Язык — это воплощенный мир представлений. И каждый человек должен заново учить язык в каждой новой своей жизни. Величайший языковед или полиглот должен ребенком с трудом усваивать родной язык. Еще не бывало такого, чтобы гимназисту легко давался греческий язык, оттого что он быстро вспоминал тот греческий язык, на котором говорил в своем прежнем воплощении.

Поэт Хейбель записал несколько идей к плану драмы, которую собирался написать. Жаль, что он не сделал этого, могла бы получиться очень интересная драма. Задумано было так, что перевоплотившийся Платон учится в гимназии и получает самую низкую оценку за

объяснение учения древнего Платона! К сожалению, замысел Хеббеля остался неосуществленным. Не нужно думать, что просто-напросто учителя бывают педантичны и так далее. Мы знаем, что идеи, записанные Хеббелем, основываются на том, что представления, то, что выражается в непосредственных эмпирических представлениях, более или менее ограничено рамками теперешней инкарнации. И, как было сейчас сказано, первое впечатление от предшествующей инкарнации выступает непосредственно как осязающее воспоминание, как новый вид памяти. То впечатление, которое мы получаем, когда эта память возникает от мысленно построенного нами человека, есть в большей степени чувство, но такое чувство, что мы понимаем: это впечатление исходит от ка-кого-то человека, который когда-то существовал в действительности и который был тобой самим! Такое чувство-воспоминание становится первым впечатлением от предыдущей инкарнации.

Описанное здесь мысленное построение человека является только средством. Это средство превращается в такое душевное, или переживаемое, впечатление. Каждый человек, который знакомится с антропософией, в большей или меньшей степени обладает возможностью легко выполнить то, что было описано. И если он это сделает, то увидит, что действительно в его душе возникло впечатление, будто он — ну, скажем так, чтобы привести другой пример, — впечатление, которое он мог бы описать так: "Я когда-то видел пейзаж и позабыл, как он выглядел, но он мне понравился!" Если такое произошло в теперешней жизни, пейзаж не вызовет впоследствии яркого, свежего впечатления в сфере переживаний, но если впечатление идет из прежнего воплощения, переживание будет особенно живым. Вышеуказанным образом можно вызвать особенно живое впечатление, оно будет корениться в нашем предыдущем воплощении. И если мы потом понаблюдаем объективно за описанными впечатлениями, то иногда будем иметь словно бы какое-то горькое, или горько-сладкое, или кислое ощущение от того, что предстает как превращение мысленного человека. Это сладко-горькое или иное ощущение есть впечатление, которое производит на нас наша прежняя ин-карнация. Это есть некое внутреннее, или душевное, впечатление.

Я попытался обратить ваше внимание на то, что может помочь создать каждому некую непосредственную очевидность того, что он существовал в прежних жизнях; эта уверенность должна быть вызвана тем, что человек обретает чувство, что он испытывает душевные, или внутренние, ощущения, о которых знает: это получено тобою точно не в этой жизни. Но такое впечатление выступает подобно тому, как в обычной жизни выступает воспоминание-представление. Можно спросить: как узнать, что впечатление, которое ты получаешь, есть воспоминание? Видите ли, на это можно ответить одно: подобного нельзя доказать. Но дело тут обстоит точно так же, как и вообще в жизни, когда мы вспоминаем о чем-то, находясь в здравом уме. Мы можем при этом знать, что то, что выступает в виде мыслей, действительно относится к чему-то пережитому нами. Сам опыт дает нам очевидность. То, что мы представляем себе указанным образом, дает нам уверенность, что впечатление, всплывающее в душе, относится не к чему-то из нашей теперешней жизни, но к чему-то из жизни предыдущей.

Так мы искусственно вызвали в себе нечто, связывающее нас с нашей предыдущей жизнью. Мы можем использовать и другие виды внутреннего опыта и переживаний, чтобы, экспериментируя с ними, идти дальше и вызывать в своей душе как бы некие ощущения из прежних жизней. Тут можно снова, уже в другом отношении разделить переживание того, что делается нами в жизни; мы можем поделить это по-иному. Объединим в одну группу то, что мы испытали как страдания, боль, препятствия, в другой же группе окажется то, что мы знали как поддержку, радость, удовольствие и так далее.

Теперь, опять-таки в порядке опыта, можно стать на такую точку зрения. Мы можем сказать: да, мы пережили эту боль и эти страдания. По тому, каковы мы в этом воплощении, как протекает нормальная жизнь, наша боль, наши страдания предстают вам чем-то фатальным, чем-то таким, что мы в определенном отношении хотели бы отвести от себя. Но попробуем не делать этого. Попробуем предположить, что по каким-то причинам мы сами вызвали эту боль, эти страдания и эти препятствия, ибо в этих прежних жизнях, если они

действительно существовали, мы стали некоторым образом менее совершенны из-за того, что сделали. Ведь в череде инкарнаций мы становимся не только более совершенными, но в определенном отношении и менее совершенными. Разве не становимся мы менее совершенными, чем были прежде, когда наносим другому оскорбление или причиняем ему зло? При этом мы не только причиняем нечто этому человеку, но и отнимаем что-то у самих себя; мы как целая личность имели бы большую ценность, если бы не сделали этого. Мы записали на свой счет множество таких поступков, которые совершили, и которые в силу того, что мы их совершили закладывают основание нашего несовершенства. Если мы причинили другому человеку зло, а потом хотим вновь обрести ту ценность, какой обладали прежде, что должно для этого произойти? Мы должны возместить причиненное зло, мы должны произвести в мире какое-то искупительное действие, должны изобрести нечто такое, что, так сказать, заставит нас нечто преодолеть. И если мы будем думать о нашей горе и страданиях в этом контексте, то часто сможем сказать: наша боль и наши страдания способны в процессе их преодоления дать нам силу для преодоления собственного несовершенства. С помощью страданий мы можем становиться совершеннее. В нормальной жизни мы так не думаем, мы отвергаем страдания. Но мы можем сказать: всякая боль, всякое страдание, всякое препятствие в жизни должны указывать на то, что в нас находится более разумный человек, нежели мы сами. Мы можем на какое-то время счесть человека, которым являемся мы сами, за менее разумного, хотя он и вмещает наше сознание; но в нас есть более разумный человек, и он дремлет в глубинах нашей души. Мы в нашем обычном сознании отвергаем боль и страдания, но более разумный человек ведет нас против нашего сознания к этим страданиям, потому что преодолевая их, мы можем от чего-то избавиться. Он ведет нас к боли и страданиям, он требует от нас пройти через них. Быть может, это сначала покажется суровой мыслью, но она ведь нас ни к чему не обязывает, можно просто попробовать. Мы можем сказать: внутри нас есть более разумный человек, который ведет нас к боли и страданиям, к чему-то, чего мы сознательно предпочли бы избежать. Поэтому мы полагаем, что в нас находится более разумный человек. Таким образом, мы приходим к смущающему многих людей внутреннему выводу, что этот более разумный всегда будет вести нас к тому, что нам несимпатично.

Итак, предположим, что в нас есть такой более разумный человек, который ведет нас ко всему, что нам несимпатично, дабы мы продвигались вперед.

Но сделаем еще одно. Возьмем наши радости, наши удовольствия, полученную поддержку и опять-таки попробуем сказать об этом: а что, если бы ты представил себе — неважно, так ли оно на самом деле, — что ты вовсе не заслужил своих удовольствий, радостей и поддержки, что они достались тебе по милости высших духовных сил? Это необязательно должно быть всегда так, но попробуем представить себе, будто мы нарочно вызвали наши страдания и боль, будто нас привел к этому более разумный человек внутри нас, поскольку мы нуждаемся в них вследствие нашего несовершенства и только через боль и страдания можем преодолеть наши несовершенства. А затем попробуем предположить и обратное: мы скажем себе, что наши радости не заслужены нами, а посланы нам духовными силами.

Думать таким образом для некоторых кичливых людей будет горькой пилюлей. Но стоит проделать это, и человек, если он в своей душе способен с большой интенсивностью представить себе такое, придет (поскольку эти мысли испытывают превращения и сами собой исправляются, если были в чем-то неверны) к такому основному ощущению: в тебе живет нечто, не имеющее отношения к обыкновенному сознанию; оно глубже, чем то, что ты осознанно испытал в этой жизни; то есть в тебе есть нечто, что составляет более разумного человека внутри тебя, и этот человек охотно обращается к вечным божественно-духовным силам, живущим и действующим в мире. Тогда в самой душевной жизни приходишь к уверенности, что за внешней индивидуальностью стоит более высокая, внутренняя. Путем таких мыслительных упражнений мы осознаем вечное духовное сущностное ядро. Это чрезвычайно важно. Таким образом, снова перед нами действие, о котором можно сказать,

что мы в состоянии его исполнять.

Антропософия в любом отношении может быть руководством к тому, чтобы не только узнавать нечто о существовании другого мира, а и для того, чтобы внутри себя самого почувствовать себя принадлежащим к другому миру, чтобы почувствовать себя такой индивидуальностью, которая проходит через следующие друг за другом инкарнации.

Есть еще третий вид событий. Их, правда, будет уже сложнее, так сказать, использовать для того, чтобы прийти к некоему внутреннему опыту в отношении кармы и реинкарнации. Но пусть это сложно и потребует длительного времени, все же и это можно использовать, производя подобный эксперимент. И при добросовестном применении во внешней жизни выяснится — сначала в виде вероятного, того, во что можно только верить, а затем со все большей достоверностью, — что наша жизнь действительно связана таким способом с предыдущей.

Предположим, что, живя нашей теперешней жизнью, заключенной между рождением и смертью, мы достигаем четвертого десятка или переходим этот рубеж — мы увидим, что у тех, кто этого возраста еще не достиг, подобные переживания будут позже, — и вспомним о том, каким образом именно в этот период мы сходимся во внешнем мире с тем или иным человеком — между тридцатью и сорока годами мы сходимся в различных жизненных отношениях с людьми внешнего мира. И тут выясняется, что заключенные связи выступают для нас так, будто мы установили их, так сказать, в нашем самом зрелом состоянии, так что участвовали при этом в наибольшей степени в качестве совершенно зрелых людей. Это может быть установлено путем рассуждения. Но рассуждение, основанное на принципах, на открытиях ду-ховной науки, может привести нас к тому, что верно сообщаемое мною, когда я исхожу не просто из таких рассуждений, но из данных духовной науки. Итак, то, что я сейчас говорю, не просто выведено мысленно, логически, но установлено исследованиями духовной науки; однако логическое мышление может подтвердить факт и найти его понятным. Если подумать над разными вещами, которые мы учили, например, над тем, как разные начала человеческого существа проявляются в ходе жизни (вы знаете, что эфирное тело проявляется на седьмом году, астральное — на четырнадцатом, осязающая душа — на двадцать первом, разумеющая душа — на двадцать восьмом, а самосознающая душа — на тридцать пятом), то мы сможем сказать: в период между тридцатью и сорока годами мы имеем дело с развитием разумеющей и самосознающей душ.

Разумеющая и самосознающая души являются теми силами в человеческой природе, которые в наибольшей степени соединяют нас с внешним физическим миром, потому что они предназначены для того, чтобы особенно раскрываться в том возрасте, когда мы больше всего состоим в общении с внешним, физическим миром. В раннем детстве силы нашего физического тела направляются, формируются, определяются тем, что еще скрыто непосредственно внутри человека. То, что человек усвоил в предыдущих воплощениях как причины, то, что прошло с нами сквозь врата смерти, те духовные силы, которые мы собрали, то, что мы принесли из нашей прежней жизни, — все это влияет на построение нашего физического тела и участвует в этом процессе. Все это незримо, но непрерывно влияет изнутри на наше тело. С возрастом это влияние становится все меньше; все больше приближается тот период жизни, когда старые силы заканчивают свою работу над телом. И тогда наступает время, когда мы уже противостоям миру в виде готового организма. То, что мы храним внутри, нашло свое выражение в нашем внешнем теле. Около тридцатого года жизни — это может быть несколько раньше или несколько позже — мы встречаемся с миром наиболее физическим образом, мы стоим в это время в таком отношении к миру, что нам становится наиболее сродни физический план. Если мы думаем тогда, что у нас больше всего ясности сознания, внешней физической ясности относительно жизненных связей, которые мы в это время устанавливаем, то следует сказать: эти жизненные связи, которые мы устанавливаем, меньше всех других в этом воплощении зависят от того, что действует и созидает в глубине нас со времени нашего рождения. Тем не менее мы можем предположить, что вовсе не случайно мы встречаемся именно около тридцатого года жизни с людьми,

которые должны появляться в нашем окружении в это время. Мы можем как раз предположить, что и здесь действует наша карма, что и эти люди имеют какое-то отношение к одной из наших прежних инкарнаций.

И тут факты духовной науки, полученные путем неоднократных исследований, показывают, что очень часто люди, с которыми мы сходимся, будучи в возрасте около тридцати лет, в прежних воплощениях были так тесно связаны с нами, что могли быть — чаще всего в начале ближайшего из прошлых воплощений, а иногда и еще раньше — нашими родителями или же братьями и сестрами. Сначала это кажется удивительным, просто поразительным фактом. Это не обязательно должно быть так, но многие случаи, исследованные духовной наукой, показывают, что действительно родители, то есть люди, помогавшие нам у исходной точки предыдущей жизни, которые привели нас в физический план и с которыми мы потом расстались, когда выросли, — что эти люди кармически связаны с нами таким образом, что в нашей новой жизни они встречаются нам теперь уже не в детстве, но лишь тогда, когда мы в наибольшей степени выходим в физический план. Однако не обязательно бывает так, поскольку духовная наука очень часто показывает, что мы встретимся с людьми, находящимися рядом с нами около тридцатого года нашей жизни, лишь в одном из следующих воплощений, где они станут нам родителями, братьями, сестрами или иными кровными родственниками. Итак, знакомства в тридцатилетнем возрасте в данном воплощении могут иметь то объяснение, что люди, с которыми мы знакомимся в это время, были или будут связаны с нами узами кровного родства в предыдущем или последующем воплощении. Таким образом, можно сказать: с теми людьми, с которыми сводит тебя жизнь около тридцати, ты либо был связан как с родителями, братьями или сестрами в предыдущем воплощении, либо можно предположить, что они будут состоять с тобой в такой степени родства в одной из последующих инкарнаций.

Верно и обратное. Если мы посмотрим на тех людей, которых менее всего выбираем произвольно, посредством внешних способностей, присущих физическому плану, то есть наших родителей, братьев и сестер, с которыми мы встретились в самом начале жизни, — если мы посмотрим на них, то очень часто увидим, что этих людей, сопровождающих нас в жизни с детства, в другом воплощении мы выбрали, так сказать, произвольно, опираясь на свои способности; иными словами, мы выбрали сами в середине предыдущей жизни тех, кто теперь стал нашими родителями, братьями и сестрами.

Особенно интересен тот факт, что, как замечательным образом обнаруживается, дело обстоит не так, что в следующих друг за другом инкарнациях мы находимся в одних и тех же отношениях с людьми, с которыми встречаемся, а также то, что от раза к разу мы встречаемся с ними не в том же возрасте, что прежде. При этом верно и не прямо противоположное: не те люди, с которыми мы встречаемся в конце жизни, имеют в другой инкарнации отношение к началу нашей жизни, но те, которые встречаются с нами в середине жизни. То есть не те люди, кто встречается нам в начале жизни, и не те, что в конце ее, а те, кто вступил с нами в соприкосновение в середине нашей жизни, в начале одного из предыдущих воплощений были вокруг нас, являясь нашими кровными родственниками. Те, кто был тогда с нами в начале нашей жизни, появляются теперь в середине нашей жизни; те же, кто сейчас находится с нами в начале жизни, они, можно предположить, встретятся нам в середине одной из последующих инкарнаций и будут связаны с нами как спутники жизни, которых мы выбрали себе сами, свободно. Столь удивительны кармические взаимосвязи.

То, о чем я сейчас говорил, — это данные исследований духовной науки. Но я уже обращал внимание на то, что если рассмотреть внутренние взаимосвязи между началом одной нашей инкарнации и серединой другой таким образом, как это показывает духовная наука, станет понятно, что это не есть нечто бессмысленное или бесполезное. Другая сторона дела такова, что благодаря таким вещам, когда мы с ними сталкиваемся и подходим к ним разумно, жизнь становится ясной и понятной. Она становится понятной и ясной, если мы не принимаем все это просто так, тупо, чтобы не сказать глупо, а если пытаемся так или иначе понять, постичь то, что встречается нам в жизни, чтобы конкретизировать связи, еще не

ясные, пока мы говорим о карме чисто абстрактно, в общей форме.

Полезно подумать вот о чем: отчего получается так, что в середине нашей жизни карма буквально толкает к тому или иному — по видимости, совершенно сознательному и трезвому — знакомству, о котором мы можем сказать: разве не кажется, что я действовал независимо, объективно, когда заводил это знакомство? Тут дело именно в том, что такие люди были соединены с нами в прошлой жизни узами кровного родства и теперь карма сводит их с нами потому, что мы как-то связаны с ними.

Если всякий раз мы будем размышлять таким образом о течении нашей собственной жизни, то увидим, что в нашу жизнь действительно приходит свет. Если мы даже ошибемся, ошибемся хоть десять раз, все же какого-то человека, встретившегося нам в жизни, узнаем верно. И если на основании таких соображений мы скажем себе: этого человека я встречал там-то и там-то, — мысль эта будет для нас путеводной вехой к другим вещам, на которые иначе мы не обратим внимания и которые совпадениями друг с другом все больше и больше будут убеждать нас в верности отдельных фактов.

Кармические взаимосвязи не таковы, что их можно постичь сразу же, одним махом. Мы должны постепенно добывать высшие познания жизни, важнейшие познания, озаряющие нашу жизнь светом. Людям, правда, не хочется верить в это. Легче поверить в то, что можно понять благодаря какому-то озарению: с теми или иными людьми я был вместе в одной из прежних жизней, а этим или тем был я сам. Быть может, и неприятно думать, что все эти познания должны добываться медленно, тем не менее это так. Даже если мы уже верим, что дело обстоит определенным образом, нужно все же продолжать исследования, и наша вера станет тогда очевидностью. Даже в том, что становится все более и более вероятным, благодаря исследованиям мы продвигаемся вперед. Мы замуровываем для себя духовный мир, если полагаемся в таких делах на скороспелые суждения.

Попробуйте подумать над тем, что говорилось сегодня о знакомствах в середине нашей жизни и об их связи с близкими нам людьми в предшествующей инкарнации. Вам придут в голову очень плодотворные мысли, особенно если принять во внимание еще и то, что говорится в статье "Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки". Тогда станет ясно и понятно, что результат ваших размышлений созвучен с тем, что сказано в этой брошюре.

К сказанному сегодня нужно добавить одно серьезное предостережение: настоящий исследователь духовного остерегается умозаключений, он ждет, пока вещи подступят сами. Когда они налицо, он проверяет их, применяя сначала обычную логику. Если поступать так, не случится того, с чем я в очередной раз недавно столкнулся и что очень характерно для современного подхода к антропософии. Один очень умный господин — говорю это без всякой иронии, вполне признавая, что господин этот в самом деле умен, — сказал мне: "Когда я читаю то, что написано в вашей книге "Очерк тайноведения", я вижу, что все это так логично, так сочетается с теми фактами, которые являет мир, что я должен признать: до всех этих вещей можно дойти и путем чистых рассуждений. Для этого не нужны никакие сверхчувственные исследования. То, что сказано в этой книге, — вовсе не какие-то сомнительные вещи; они совпадают с действительностью". Я заверил его, что не думаю, что до этих вещей можно дойти при помощи чистых рассуждений и что при всем уважении к его уму я не думаю, чтобы он пришел к этим фактам при помощи одних рассуждений. Дело действительно обстоит так, что все, что может быть логически понято в области духовной науки, никак не может быть найдено при помощи одних рассуждений! То, что можно проверить и понять какую-то вещь логически, не есть еще причина сомневаться в ее происхождении из области духовной науки! Напротив, я полагаю, что тот факт, что сообщения духовной науки могут быть поняты путем логических рассуждений как несомненно верные, будет придавать некую уверенность. Исследователю духовного нечего стремиться к тому, чтобы говорить сплошные нелогичные вещи, дабы ему поверили. Вы видите, что сам такой исследователь не может стоять на той позиции, что он находит эти вещи при помощи рассуждений. Но если подумать об уже найденных путем духовных исследований вещах, они могут казаться настолько логичными, даже слишком логичными —

так что люди перестают верить в источники духовной науки, из которых бывают почерпнуты эти результаты. Так обстоит дело фактически со всеми вещами, о которых говорят, что они возникли именно на почве исследований духовной науки.

Если сказанное здесь сегодня покажется вам на первый взгляд странным, попробуйте рассудить об этих вещах логически. Я бы в самом деле не смог вывести их из обычного логического мышления, если бы меня не привели к ним духовные факты; но когда знания уже получены, их можно логически проверить. И тогда станет видно: чем добросовестнее, чем дотошнее проверять, тем больше будет обнаруживаться, что все верно. Даже в таких вещах, которые нельзя проверить на правильность — например, то, что говорилось сегодня о родителях, братьях и сестрах в одной жизни и знакомствах в середине другой, — даже тут то, как соотносятся разные элементы этих взаимосвязей, может производить впечатление не просто весьма вероятного, но граничащего с достоверностью. Такая уверенность представляется обоснованной именно тогда, когда эти вещи проверяются в самой жизни. При встречах с некоторыми людьми собственное поведение и поведение этих людей предстает в совершенно ином свете, когда представляешь себе, будто человек, встретившийся тебе в середине жизни, был тебе родным братом в предыдущей. И человеческие отношения становятся от этого гораздо более плодотворными, чем они бывают, когда люди просто тупо про-ходят по жизни.

Итак, мы можем сказать: антропософия все больше становится не просто чем-то таким, что дает знания о жизни, но тем, что учит, как постигать жизненные обстоятельства и озарять их светом не только лично для нас, но и для нашего отношения к жизни и нашей жизненной задачи. И важно не думать, будто мы губим непредвзятость своей незакомплексованной натуры. Только трусливые люди, по большому счету не верящие в жизнь, могут так думать. Но мы должны твердо знать, что более точное познание жизни делает ее плодотворнее и содержательнее. То, что подступает к нам в нашей жизни, должно благодаря антропософии включаться в такое поле зрения, которое делает все силы и способности богаче, вернее и надежнее, чем они были до того, как вошли в наш кругозор.

Четвертая лекция. Штутгарт, 21 февраля 1912 г

Вчера мы обсуждали вопросы, касающиеся человеческой кармы, причем пытались так подойти к этим вопросам, чтобы они предстали перед нами в связи с внутренними процессами человеческой души или, можно сказать, в связи с чем-то достижимым. Ибо мы обратили внимание на то, что путем своеобразного эксперимента можно создать в своей душевной жизни некие вещи и таким образом вызвать в ней некоторый внутренний опыт, что должно привести к совершенно отчетливому убеждению в истинности закона кармы. Если все снова и снова мы вводим такие вопросы в наш антропософский кругозор, это вовсе не нечто произвольное, но вызвано тем, что нужно все больше и больше сознавать, как связано то, что мы называем антропософией в истинном смысле этого слова, — с жизнью и всем человеческим развитием. Ведь несомненно можно создать себе хотя бы приблизительно верное представление о том, как должна постепенно измениться вся человеческая жизнь, если значительное число людей придет к тому убеждению, которое лежит в основе таких рассуждений, как наши вчерашние. Жизнь должна определенным образом измениться, если люди проникнутся подобными истинами и станут благодаря этому иначе относиться к жизни. И тут мы подходим к чрезвычайно важному вопросу, который должен стать вопросом совести для тех, кто при-соединяется к антропософскому движению. Это вопрос: что же делает человека нашего времени антропософом? При попытке серьезного ответа на этот вопрос легко может возникнуть недоразумение, ведь сегодня очень многие, в том числе и принадлежащие к нам, смешивают антропософское движение с теми или иными внешними организациями. Мы вовсе не желаем выступать против такой внешней организации, поскольку она должна присутствовать для поддержки антропософии в физическом плане. Но важно уяснить, что к такой внешней организации могут принадлежать, в сущности, все

люди, которые честно и серьезно питают глубокий интерес к вопросам духовной жизни и которые желают углубить свое мировоззрение в смысле такого духовного движения. Этим уже сказано, что не следует требовать от тех, кто присоединяется к организации такого рода, разделять какое бы то ни было положительное исповедание, доктрину. Но другое дело — дать прямое и ясное разъяснение, что собственно делает антропософом современного человека, человека нашего времени.

Конечно, обыкновенное убеждение в том, что духовный мир существует, является началом всех антропософских убеждений, и всегда нужно особо подчеркивать это, когда излагаешь антропософское учение публично и говоришь на публике о его задачах, целях и современной миссии. Однако внутри сугубо антропософского круга нужно уяснить, что человека делает антропософом нечто гораздо более определенное, более ясно выраженное, нежели просто убеждение в существовании духовного мира. Ведь такое убеждение в конечном счете всегда жило в тех кругах, которые не являлись прямо материалистическими. То, что делает современного человека антропософом, то, чего, по сути, еще не было, к примеру, в теософии Якоба Бёме или какого-либо другого теософа прежних времен, есть нечто такое, чего всеми силами домогалась наша западная культура. И это стремление стало, с одной стороны, характерной чертой исканий многих людей; с другой же стороны мы имеем дело со следующим фактом: то, что особым образом характеризует антропософа как такового, сегодня подвергается сильнейшим нападкам со стороны внешней культуры, внешнего образования и рассматривается ими как некое безумие.

Конечно, благодаря антропософии мы узнаем многое. Мы знакомимся с развитием человечества, с развитием самой нашей Земли и нашей планетной системы. Все это носит фундаментальный характер для того, кому свойственны антропософские искания. Но то, что имеется в виду здесь, что чрезвычайно важно для антропософа нашего времени, — это достижение убеждения в вопросах, касающихся перевоплощения и кармы. И то, каким образом люди будут усваивать это убеждение в существовании перевоплощения и кармы, каким образом они найдут возможность перенести идеи перевоплощения и кармы в общую жизнь, — и должно в существенных чертах преобразовать современную жизнь в жизнь будущего. Благодаря этому возникнут совершенно новые формы жизни, совершенно новое человеческое общежитие, которое необходимо для того, чтобы культура человечества не пришла в упадок, а наоборот, поднялась на более высокий уровень, двинулась вперед. Такие рассуждения, такие внутренние душевные переживания, как те, о которых шла речь вчера, уже доступны, в сущности, любому человеку нашего времени. И если у человека достанет энергии и активности, он придет к внутреннему убеждению в истинности перевоплощения и кармы. Но тому, чего, собственно, должна желать настоящая антропософия, противостоит, можно сказать, весь основной внешний характер нашего времени.

Этот основной характер нашего времени, быть может, ни в каком факте не выражается со столь радикальной характерностью, как в том, что все-таки можно встретить интерес к центральным вопросам, относящимся к сфере религии, к развитию человека и мира, а также и к карме и перевоплощению. Поскольку эти вопросы относятся к отдельным позитивным учениям отдельных вероисповеданий — скажем, к природе Будды или Христа, — обсуждение таких вопросов вызывает довольно широкий интерес. Но этот интерес становится существенно слабее, спадает; достаточно сильно он спадает и у тех, кто зовет себя сегодня антропософами, когда заходит конкретный и детальный разговор о том, как должна вживаться антропософия во все частности внешней жизни. В сущности, это очень понятно. Человек стоит в гуще жизни; у одного одно положение во внешней жизни, у другого — другое. Можно сказать, что мир — в том виде, в каком он предстает со своими теперешними порядками, — похож на большой завод: отдельный человек подобен в нем шестерне. Таким чувствует он себя в этом мире со своей работой, своими заботами, с тем, что его занимает с утра до вечера, и он не знает ничего, кроме того, что должен подчиняться этому внешнему миропорядку.

Наряду с этим выступает вопрос, который должен возникнуть во всякой душе, которая

в состоянии хоть немного отвлечься от того, что дает ей повседневность, — вопрос о судьбе души, о начале и конце душевной жизни, о связи с божественно-духовными существами, о мировых силах. Между тем, что дает человеку повседневность, о чем он должен заботиться и так далее, с одной стороны, и тем, что он получает в сфере антропософии, с другой, лежит глубокая пропасть. И можно сказать следующее: для большинства людей, в том числе и антропософов нашего времени, почти не существует согласия между их антропософскими убеждениями и тем, что они делают и какие представления у них возникают в их повседневной жизни. Стоит только поднять в присутствии публики какой-то частный вопрос и рассмотреть его с точки зрения духовной науки, антропософии, как тотчас же увидишь: интереса, который еще был, когда обсуждались общие религиозные и тому подобные вопросы, к таким конкретным вопросам уже нет. Нельзя, разумеется, требовать, чтобы антропософия сразу, непосредственно входила в жизнь, чтобы она выражалась у каждого прямо в его действиях. Но нужно обратить внимание на то, что антропософская духовная наука имеет миссию вводить в жизнь, включать в жизнь все то, что должно проистекать из души, постепенно приходящей к убеждению, что идеи перевоплощения и кармы реальны. Можно даже назвать характерным признаком современного антропософа, что он идет по пути усвоения обоснованного внутреннего убеждения в господстве идеи перевоплощения и кармы. Все остальное, можно сказать, является уже прямым следствием, результатом этого.

Конечно, не может быть так, чтобы каждый решил, что он сможет взять орудия для освоения внешней жизни прямо из перевоплощения и кармы. Это, конечно, невозможно. Но нужно получать представления о том, как перевоплощение и карма должны входить во внешнюю жизнь, чтобы стать направляющими силами внешней жизни.

Возьмем идею кармы, то, каким образом действует карма в череде воплощений человека. Мы должны рассматривать способности и силы человека, входящего в мир, в конечном счете как результат причин, заложенных им самим в прежних его воплощениях. Если последовательно проводить эту идею, мы должны на самом деле подходить к каждому человеку как к некоей внутренней загадке, как к чему-то такому, из чего должно пробиться то, что витает в темных глубинах его прежних инкарнаций. Происходит очень значительный переворот не только в воспитании, но и во всей жизни, если относиться к идее кармы серьезно. И, если это будет понято, то идея кармы из чисто теоретической идеи превратится в нечто такое, что действительно должно влиять на практическую жизнь, что действительно может быть практическим фактором жизни.

Но вся внешняя жизнь в том виде, в каком она предстает нам сегодня, есть сплошная картина таких человеческих взаимосвязей, которая формируется и создается с исключением и даже с отрицанием идеи перевоплощения и кармы. Эта внешняя жизнь устроена сегодня так, словно бы хотели похоронить все возможности, которые есть у людей, чтобы путем личного душевного развития понять, что перевоплощение и карма существуют. В самом деле, нет, к примеру, ничего, что было бы столь враждебно истинному убеждению в существовании перевоплощения и кармы, как тот жизненный принцип, согласно которому за то, что человек делает как свою работу, он должен забирать соответствующее вознаграждение, прямо-таки плату, расплату за эту работу. То, что я говорю, звучит довольно странно, не правда ли? Но не нужно представлять дело так, будто антропософия желает совершенно опрокинуть принципы жизненной практики и ввести на завтра новый порядок жизни. Такого быть не может. Но люди должны знать, что при таком мироустройстве, когда думают, что работа и вознаграждение должны непосредственно соответствовать друг другу, когда нужно зарабатывать своим трудом все, что необходимо для жизни, основополагающее убеждение в существовании перевоплощения и кармы никогда не сможет преуспеть. Разумеется, существующий порядок жизни должен пока оставаться таким — ведь именно антропософу следует понимать: то, что существует, вызвано как раз кармическим порядком и в этом отношении существует по праву и необходимо. Но он должен также иметь возможность понять, что внутри организма нашего миропорядка подобно новому зародышу складывается то, что может и должно следовать из

признания идеи перевоплощения и кармы.

В первую очередь из идеи кармы следует (и это, я полагаю, вытекает из нашего вчерашнего рассуждения), что мы не должны чувствовать себя включенными случайно в миропорядок, попавшими случайно на то место, которое занимаем в жизни, — но так, будто в основе этого нашего нахождения здесь лежит некое подсознательное волевое решение. Мы словно приняли некое решение встать на занимаемое нами место до того, как проникли в земное бытие из духовного мира, где находились между смертью и новым рождением, и это решение в духовном мире было результатом наших прежних инкарнаций, только мы забыли о нем, когда погружались в наше новое тело. Таким образом, результатом нашего собственного волевого решения, принятого до рождения, до появления на земле, является наш приход на данное место в жизни и то, что мы подвержены именно тем ударам судьбы, которые она нам наносит. Если человек затем убеждается в истинности закона кармы, то обязательно начинает в некотором отношении питать склонность или даже любовь к тому месту в мире, на которое сам себя поставил, каким бы оно ни было.

Тут, конечно, вы можете возразить: да, то, что ты говоришь, в самом деле удивительно и странно! Так, быть может, обстоит дело с поэтами, писателями и другими людьми, которые занимаются духовным трудом. Обращаясь к ним, ты можешь проповедовать, что они должны радоваться тому месту, на котором стоят в жизни, любить его и отдавать себя ему. Но как быть со всеми, кто занимает в жизни места, которые поистине никак не могут быть особенно симпатичны людям ни по своему содержанию, ни тем, какая деятельность на них осуществляется, которые, напротив, могут вызывать в человеческих душах такое ощущение, что эти люди забыты или угнетены жизнью? Кто станет отрицать, что большая часть современных культурных устремлений исходит из того, что нужно постоянно вносить в нашу жизнь исправления, которые могут, так сказать, устранять неудовлетворенность таким несимпатичным положением человека в жизни. Сколько существует всяких партий, всяких сектантских устремлений, которые хотят исправить жизнь, так сказать, по всем направлениям, дабы и внешне было достигнуто такое положение, когда общая жизнь человечества стала бы сносной.

Но все эти старания не считаются с одним, а именно с тем, что неудовлетворенность, вытекающая для многих людей из их теперешней жизни, во многих отношениях связана со всем ходом развития человечества, что, в сущности, то, как развивались люди в прошлом, и привело их к такой карме и что из взаимодействия этих различных карм с необходимостью произошло нынешнее состояние человеческого культурного развития. И если мы пожелаем охарактеризовать это состояние культуры, то должны сказать, что оно является в высшей степени сложным. Мы должны также сказать: то, что делает чело-век, что он совершает, оказывается все меньше связано с тем, что человек любит. И если бы в наши дни произвести подсчет людей, которые должны в своем жизненном положении заниматься нелюбимым делом, их число в самом деле значительно превзошло бы число тех, кто заявит: ничего не могу сказать, я люблю мое внешнее занятие, оно дает мне счастье и удовлетворение!

Я слышал недавно, как один человек сказал своему знакомому примечательные слова: "Когда я вспоминаю свою жизнь во всех ее частностях, то должен признать, что, если бы мне пришлось начать жизнь сначала и я мог бы прожить ее так, как хочу, я делал бы вновь то же, что делал до сих пор". И знакомый ответил на это: "Тогда вы принадлежите к людям, которых в наше время встретишь реже всего". Вероятно, этот знакомый был прав в отношении большинства людей нашего времени. Немного найдется современников, которые бы решили, что, если бы от них зависело прожить жизнь заново со всеми ее радостями, горем, ударами судьбы и препятствиями, они начали бы сначала и были бы вполне довольны, если бы жизнь принесла им опять совершенно то же самое. Этот приведенный сейчас факт, что в наше время есть так мало людей, которые бы, так сказать, приняли свою теперешнюю карму со всеми частностями, — связан, конечно, с тем, что принесло с собой нынешнее состояние человеческой культуры. Наша жизнь стала сложнее, но она стала тем, что есть, вследствие самых различных карм живущих сегодня на земле людей. Это не

подлежит никакому сомнению. Для тех, кто хоть немного понимает ход человеческого развития, дело обстоит не так, что в будущем мы могли бы прийти к менее сложной жизни. Напротив, жизнь будет становиться все сложнее и сложнее! Внешняя жизнь все усложняется, как бы много работы ни стали в будущем исполнять вместо человека машины: жизней, которые бы делали людей счастливыми в этой физической инкарнации, будет очень немного, если не наступят совершенно иные условия, нежели те, что проявляют себя в нашей культуре. И эти иные условия должны возникнуть из того, что человеческая душа проникнется истиной перевоплощения и кармы.

Эта истина позволит понять, что параллельно с усложнением внешней культуры будет идти еще нечто совершенно иное. Что же будет необходимо для того, чтобы люди все больше и больше проникались истиной перевоплощения и кармы? Что будет необходимо, чтобы понятия перевоплощения и кармы, — как то необходимо, дабы наша культура не пришла в упадок — в относительно очень короткое время повлияли на наше школьное образование, чтобы они затрагивали людей еще в детстве, как сегодня уже дети проникаются убеждением в правильности Коперниковой системы мира.

Что было необходимо, чтобы система Коперника захватила души? С этой системой мира дело обстоит очень оригинально. Я хочу сказать сейчас не о ней самой, а о том, как она вступала в мир. Вспомните только, что эта система была придумана христианским каноником и что сам Коперник был такого о ней мнения, что посвятил труд, где она излагалась, папе римскому. Он мог верить, что придуманное им было вполне в духе христианства. Существовало ли в то время доказательство системы Коперника? Мог ли кто доказать то, что придумал Коперник? Никто не мог этого доказать. И тем не менее подумайте, с какой быстротой его система вошла в сознание человечества! Когда стало возможным доказать ее? Более или менее надежно — насколько она верна — лишь в середине XIX века, когда Фуко произвел опыт со своим маятником. До этого момента не было доказательства, что Земля вертится. Это чепуха, когда утверждают, что Коперник будто бы мог доказать то, до чего он додумался и что выставил в качестве гипотезы; это касается в том числе и положения о вращении Земли.

Только когда увидели, что качающийся маятник стремится сохранить плоскость своих колебаний в том числе и по отношению к вращению Земли и что если раскачать длинный маятник, то направление его колебаний будет вращаться по отношению к земной поверхности, — смогли сделать вывод: Земля под маятником должна была повернуться. Этот опыт, который является первым настоящим доказательством движения Земли, был произведен только в XIX веке. До того было невозможно считать коперниканство ничем, кроме гипотезы. И тем не менее оно так повлияло на природу человеческой души нового времени, что труд Коперника до 1822 г. находился в "Индексе запрещенных книг", хотя Коперник думал, что вправе посвятить его папе римскому. Этот труд, на котором основано коперниканство, был изъят из "Индекса" в 1822 г., то есть еще до того, как было добыто настоящее доказательство воззрений Коперника. Сила того импульса, с которым система Коперника вошла в жизнь человеческой души, вынудила саму церковь признать коперниканство чем-то таким, что не является ересью.

Мне кажется в глубочайшем смысле характерным то, что эти знания о вращении Земли были получены мною в детстве от священника, а не от какого-нибудь учителя. Кто усомнится в том, что коперниканство внедрилось в человеческие души, даже в души детей? Но сейчас мы хотим говорить не об истинности и не об ошибках этой системы.

Так же, как коперниканство — только у человечества нет столь долгого времени, как тогда, — должна внедриться в человеческие души истина перевоплощения и кармы, в противном случае культура человечества придет в упадок. И те, кто сегодня называет себя антропософом, призваны к тому, чтобы сделать зависящее от них, дабы истина перевоплощения и кармы влилась и в детские души. Это, конечно, не означает, что антропософы, у которых есть дети, должны преподносить это своим детям как некую догму. В таких вещах нужно действовать разумно.

Я недаром привел в пример коперниканство. На том, что принесло этому учению такой успех, мы можем учиться тому, что может принести успехи в культуре идеям перевоплощения и кармы. Что же способствовало столь быстрому распространению коперниканства? Я сейчас скажу нечто ужасно еретическое, нечто, могущее просто напугать современного человека. Но речь идет о том, чтобы антропософия воспринималась антропософами так же серьезно и с такой же значительностью, как когда-то христианство воспринималось при его возникновении первохристианами, которые также противопоставили себя тому, что тогда было. Если антропософия не будет восприниматься своими сторонниками так серьезно, она не сможет сделать для человечества того, что должно быть сделано.

Итак, я должен сказать нечто ужасное, а именно: коперниканство, то, что люди сейчас учат как систему Коперника, у которой действительно нельзя отнять ее большой заслуги и ее значения как культурного факта первой категории, смогло внедриться в человеческую душу благодаря тому, что можно было стать приверженцем этой системы, будучи поверхностным человеком. Чтобы поскорее убедиться в верности учения Коперника, нужны поверхностность и чисто внешний подход. Это не умаляет значения Коперника для человечества. Нет; но можно утверждать, что не нужно быть человеком глубоким, нужно стремиться не вглубь, а как раз на поверхность, чтобы стать приверженцем коперниканства. В самом деле, нужно было сделать человеческую душу весьма поверхностной, чтобы люди могли изобретать такие пошлые сентенции, какие находишь в современных, монистических книжках, где с каким-то восторгом говорится: "Земля, которую населяют люди, есть лишь пылинка в мироздании по сравнению с другими мирами". Сентенция пошлая — по той простой причине, что эта "пылинка" со всеми своими подробностями и мелочами касается людей, живущих на Земле, а другие вещи, расстилающиеся во вселенной, с которыми должна сравниваться Земля, людей касаются мало. Человеческое развитие должно было усвоить чрезвычайно поверхностный подход, чтобы, так сказать, быстро обрести способность к принятию коперниканства.

Но что должно сделать человечество, чтобы усвоить учение о перевоплощении и карме? Это учение должно гораздо быстрее добиться успеха, иначе человечество вступит на путь к упадку. Так что же необходимо для того, чтобы оно внедрилось в детские души?

Для коперниканства был необходим поверхностный подход; чтобы сжиться с истинами перевоплощения и кармы, нужно углубление, нужно умение принимать всерьез такие вещи, о каких мы говорили вчера, умение вникать во внутренний душевный опыт, в интимные стороны души, в такие вещи, которые каждая душа переживает в самых дальних глубинах своего сущностного ядра. То, что следует из коперниканства для современной культуры, сегодня преподносится везде, во всяческих популярных изложениях, и особенное достижение усматривается в том, чтобы люди могли все это увидеть еще и в картинках, а лучше всего, если возможно, в кинематографических кадрах. Уже это одно показывает, сколь невероятно поверхностна эта культура.

Картинки смогут мало рассказать об интимных сторонах тех истин, которые обнимаются понятиями перевоплощения и кармы. От формирования и глубокого усвоения таких вещей, о каких говорилось вчера, зависит то, как люди придут к обоснованному убеждению в существовании перевоплощения и кармы. Поэтому для того, чтобы идеи перевоплощения и кармы вошли в жизнь человечества, становится необходимым противоположный полюс, противовес всему тому, что стало обычным для современной внешней культуры. Поэтому нужно настаивать на том, чтобы такое углубление на деле происходило в области антропософии. Хотя и нельзя отрицать, что известные схематические изображения могут быть полезны для понимания основных истин разумом, но все же нужно сказать: самое важное в области антропософии — это обращение к законам, действующим в глубине души, к тому, что действует в сфере душевных сил подобно тому, как внешние физические законы действуют во временном и пространственном мирах.

Но и эти отдельные кармические законы люди, в сущности, понимают все еще очень

слабо. Это мы можем, так сказать, вычитать из вещей, которые сейчас все время, постоянно повторяются внешней культурой. Какой просвещенный человек нынешней внешней культуры не думает так: человечество переросло свой детский возраст, когда оно верило, и вступило в зрелый возраст, когда оно научилось знать? Такие речи приходится слышать все снова и снова, и многое происходит оттого, что люди бывают сбиты с толку такими речами, что будто бы знание должно стать на место веры; но антропософов эти речи никогда не должны сбить с толку.

Все эти тирады о вере и знании не считаются с вещами, которые можно назвать кармическими связями в жизни. Если человек, способный проводить оккультные исследования, особенно в случае верующих, беззаветно верующих натур нашего времени, задумается над увиденным и спросит себя: почему тот или иной человек верит особенно сильно? Почему в том или ином человеке есть пламенная вера, энтузиазм, даже некий гений религиозного благоговения, обращенности мысли к сверхчувственному миру? — если он задастся такими вопросами, то ответ будет весьма знаменательный. Если посмотреть на прошлое этих глубоко верующих натур, для которых вера, быть может, стала важным фактором их жизни пусть в зрелом возрасте, если посмотреть на их прежние инкарнации, то выяснится поразительный факт: эти индивидуальности были в прошлых, в предшествующих инкарнациях людьми знания. Знание их предшествующих инкарнаций, рациональное начало разума прошлых инкарнаций превратилось в начало веры в инкарнации нынешней. Тут мы имеем дело с одним из примечательных кармических фактов, который таким странным образом стоит рядом с другим фактом: если посмотреть на людей, которые стали особенными материалистами и больше не желают верить, но только знать, — простите, если я скажу нечто, что шокировало бы многих, не из присутствующих, но из находящихся вне этого помещения, кто уверен только в том, согласен принимать только то, что дают чувства и ограниченный мозгом рассудок, — то здесь в предшествующих инкарнациях — это загадочный факт — мы находим тупость. Таким образом, настоящее исследование разных инкарнаций дает удивительный результат: именно исполненные энтузиазма верующие натуры, не фанатики, но внутренне твердо убежденные в принадлежности своего существа к высшим мирам построили эту веру нынешней своей инкарнации на знании, обретенном в предшествующих; в то же время знание, основанное на материализме, люди приобретают вследствие тупости в мировоззренческих вопросах в прежних инкарнациях.

Подумайте, как изменяются все представления о жизни, если обратить взгляд от того, что переживается непосредственно в настоящем, к тому, что пережила человеческая индивидуальность, проходя через разные инкарнации!

Станным начинает выглядеть многое, чем гордится человек в нынешней инкарнации, если привести его в связь с тем, как он приобрел все это в предыдущей инкарнации. Если посмотреть на это с точки зрения перевоплощения, то многое покажется не таким уж невероятным. Нужно только увидеть в человеке то, как он развивается в пределах одной инкарнации под влиянием этих внутренних душевных сил. Нужно только наблюдать душевную силу веры, душевную силу, которую человек может являть в своей вере в то, что в качестве сверхчувственного возвышается над обыкновенными чувственными явлениями. Пусть современный материалистический монист как угодно упорствует, пусть он говорит: имеет значение только знание, а у веры нет надежного фундамента, — но его слова противоречат другому факту, тому, что именно душевная вера живительно воздействует на наше астральное тело, в то время как неверие, неумение верить иссушает астральное тело. Как пища действует на физическое тело, так действует вера на астральное. И разве не важно понимать, что творит вера для человека, для его блага, для его душевного здоровья и — поскольку душевное здоровье имеет значение для телесного — для его тела? И разве не странно, что с одной стороны хотят устранить веру и освободить место для знания, а с другой стороны происходит так, что у человека, не умеющего верить, высыхает, чахнет его астральное тело? Тот, кто хочет убедиться в этом, должен рассмотреть только одну жизнь. Ибо для того, чтобы увидеть, что лишенный веры человек получает иссохшее астральное

тело, не нужно рассматривать череду инкарнаций, достаточно посмотреть на человека в одном его воплощении. Итак, мы можем сказать: безверие иссушает наше астральное тело, безверием мы обедняем себя; мы иссушаем нашу индивидуальность в последующей инкарнации. Безверие делает нас в следующей инкарнации тупыми и неспособными получать знания. Противопоставление знания и веры — это пустая, сухая, скучная логика. Для того, кто видит эти вещи, все пошлости, которые говорят о вере и знании, имеют примерно такое значение, как спор двух людей, из которых один утверждал бы, что до сих пор для развития человечества большее значение имели мужчины, а другой возражал бы, что женщины. В эпоху детства человечества имел большее значение один пол, сейчас — другой. Для знатока духовных фактов ясно: как со-относятся во внешней жизни два пола, так же соотносятся вера и знание. Мы должны увидеть в этом четкий и значительный факт, и наш взгляд будет верен. Параллелизм тут идет настолько далеко, что мы можем сказать: как человек — мы не раз отмечали это — меняет в следующих друг за другом воплощениях свой пол, становясь, как правило, попеременно то мужчиной, то женщиной, так же за более склонным к вере воплощением следует, как правило, более склонное к разуму, затем идет опять более склонное к вере и так далее. Есть и исключения, подобно тому как бывает, что несколько мужских или женских инкарнаций следуют подряд. Но, как правило, эти вещи обоюдно дополняют и оплодотворяют друг друга.

Однако существуют и другие силы в человеке, которые подобным же образом взаимно дополняют друг друга, к примеру, две душевные способности, одну из которых назовем способностью к любви, а другую — внутренней силой, дающей человеку чувство собственного достоинства, внутреннюю гармонию, внутреннюю опору на себя самого и знание того, что мы должны делать в жизни. И в этом отношении человеческая карма оказывает в разных инкарнациях попеременное влияние, так что в одном воплощении у человека бывает сильнее выражена самоотверженная любовь к тем, кто его окружает, некая самозабвенность, некое подобие растворения в своем окружении; на смену такой инкарнации приходит иная, где человек вновь чувствует себя призванным не терять себя, уходя во внешний мир, но внутренне крепнуть, употребляя силы на то, чтобы самостоятельно продвинуться вперед. Конечно, это последнее не должно вырождаться в черствость, так же как первое не может и не должно вырождаться в полную потерю собственного "я". Эти две вещи тоже взаимосвязаны. И следует постоянно подчеркивать, что недостаточно желания антропософа принести жертву. Многие люди очень хотят жертвовать весьма многим, но для того, чтобы принести миру такие жертвы, которые бы на что-то годились, человеку нужно сначала иметь для этого силы. Прежде чем жертвовать собою, человек должен стать чем-то, иначе пожертвование им своего "я" не будет иметь особой цены. В каком-то смысле это есть некий род — пусть и скрытого — эгоизма и лени, когда человек не стремится к совершенству, к дальнейшим стремлениям, чтобы то, что он может совершить, обрело ценность.

Может показаться — но прошу не понять меня ложно, — будто мы проповедуем черствость, нелюбовь. Внешний мир с легкостью может упрекать сейчас антропософов: вы стремитесь к тому, чтобы совершенствовать ваши души, развиваться в душевном отношении! Вы же становитесь эгоистами! Тут нужно признать, что в этом стремлении человека к полноценности его может поджидать множество нелепых вещей, множество изъязнов и ошибок. Совсем не всегда нужно симпатизировать тому, что очень часто проявляется у антропософов под видом принципа развития. За этим стремлением нередко стоит слишком много непозволительного эгоизма.

С другой же стороны, нужно подчеркнуть, что мы живем в такое время, в такую культурную эпоху, когда люди бывают невероятно расточительны в готовности жертвовать собою. Хотя повсеместно присутствует и черствость, но все же налицо и невероятная расточительность в отношении любви и готовности к самопожертвованию. Не следует понимать это неверно, но нужно уяснить, что любовь, если она лишена мудрого руководства жизни, мудрого понимания соответствующих обстоятельств, может быть весьма неуместной

и приносить людям больше вреда, чем пользы.

Мы живем в эпоху, когда великому множеству людей необходимо, чтобы в душу снова проникало нечто такое, что может вести душу вперед, нечто такое, что дает антропософия, которая делает их души богаче и содержательнее. Ради следующей инкарнации, да уже и для деятельности между смертью и новым рождением человечество должно стремиться к делам, которые основываются не просто на старом достоянии, а к новым делам. Надо рассматривать эти вещи чрезвычайно серьезно и в истинном их значении, ибо должно быть понято как факт, что антропософия наделена миссией некоего культурного зерна, которое должно прорасти и взойти в будущем. Но то, как это происходит в жизни, мы сможем понять лучше всего, если иметь в виду такие кармические взаимосвязи, как вера и разум, любовь и чувство собственного достоинства. Человек, который в духе нашего современного развития придерживается убеждения, что, пройдя сквозь врата смерти, он сразу делается частью внеземной вечности, пребывая где-то вне этого мира, — такой человек никогда не сможет по достоинству оценить прогресс души, ибо скажет себе: если и существует прогресс, ты все же не сможешь вполне принять участие в формировании его как такового, ведь ты здесь только мимоходом, лишь на краткий миг в этом мире и должен только готовить себя для иного мира.

Между тем дело обстоит так, что мы обретаем наибольшую жизненную мудрость благодаря тому, что нам не удалось. Мы учимся на наших неудачах и становимся всего мудрее благодаря им. А теперь спросите себя всерьез, часто ли случается так, что у вас бывает возможность повторить то, что у вас один раз не вышло, еще раз в точно такой же ситуации? Такое бывает редко. А разве не была бы жизнь чем-то совершенно бессмысленным, если бы премудрость, которую мы можем усваивать благодаря своим ошибкам, пропадала для этого земного человечества? Только если мы можем вновь вернуться, если мы можем вновь применить в совершенно новой жизни то, что мы усвоили как жизненный опыт в жизнях предыдущих, только в этом случае жизнь имеет смысл. Поэтому бессмысленно вообще стремиться к совершенству души для этого земного бытия, если оно рассматривается как единственное, а также и для той внеземной вечности.

И тем более бессмысленно такое стремление для тех, кто полагает, что всякое бытие прекращается после прохождения сквозь врата смерти. Какие силы, какая энергия, какая жизненная уверенность появились бы у людей, если бы они знали, что сила, которая, как кажется, пропадает, на самом деле может реализоваться в новой жизни! Культура нашего времени такова, какова она есть, потому, что для этой культуры чрезвычайно мало собрано из инкарнаций, прежде пройденных человеком. Поистине души обеднели в череде инкарнаций. Как же получилось, что обеднели души?

Оглянемся на давние времена, предшествующие мистерии Голгофы. Тогда еще существовало древнее ясновидение, тогда еще были магические волевые силы. Так оставалось еще и во времена раннего христианства. Но то, что нисходит из высших миров в эти последние времена старого ясновидения, было уже только злым, демоническим. В евангелиях мы повсюду видим в окружении Христа Иисуса демонические натуры. То, что в древние времена было в человеческих душах исконной взаимосвязью с божественно-духовными силами и существами, было утрачено душами. Тогда среди людей явился Христос. Люди, живущие в наше время, прожили с той поры — в зависимости от своей кармы — две, три или четыре ин-карнации. Христианство и должно было оказывать такое влияние, какое оно оказывало до наших дней, ибо в человечестве были слабые, опустошенные души. Христианство не могло развить своей внутренней силы, потому что слабые души присутствовали в развитии человечества. В какой мере это имело место, можно понять, если бросить взгляд на другую волну человеческой культуры, ту волну, которая привела развитие человечества на Востоке к буддизму. Буддизм обладает убеждением в существовании перевоплощения и кармы, но при этом трактует ход развития человечества так, как будто задача его только в том, чтобы как можно скорее увести человека из жизни. В этой поднявшейся на Востоке волне уже не было стремления к бытию. И мы видим, как все,

что должно вдохновлять и направлять людей на выполнение ими своей земной миссии, отступило у представителей той культуры, которая является носителем буддизма. И если бы буддизм нашел особое распространение на Западе, это было бы свидетельством того, что много есть весьма слабых и нежизнеспособных душ, ведь именно они и приняли бы буддизм. Везде, где буддизм проявится на Западе в какой бы то ни было форме, это будет свидетельством того, что души эти хотят как можно скорее уйти от своей земной миссии, что они не могут ужиться с нею.

Когда христианство распространилось в Южной Европе и было принято затем северными народами, души этих народов были сильны своей инстинктивной силой. Они восприняли христианство, но оно могло проявить поначалу лишь свои внешние стороны, то есть то, для чего особенно важно, чтобы человек в современной культуре достиг углубления Христова импульса, дабы этот Христов импульс стал глубочайшей силой самой человеческой души и душа благодаря этому становилась бы, живя навстречу будущему, все более и более богатой, все более и более глубокой. Человеческие души проходили через слабые инкарнации, и христианство поначалу оказывало им внешнюю поддержку. Теперь же пришли времена, когда души должны стать внутренне сильными и твердыми. Поэтому в будущем станет не столь важно, что делает душа во внешней жизни. Но важно будет то, чтобы она нашла сама себя, чтобы она углублялась, чтобы она получала представление о том, как приводить внутреннее во внешнюю жизнь, как осуществлять земную миссию с тем сознанием и той значительной глубиной, которые приносят усвоение истин перевоплощения и кармы.

Пусть будет положено лишь скромное начало приходу в жизнь идей перевоплощения и кармы, но это скромное начало имеет огромную важность. Чем больше мы станем судить о человеке, так сказать, по его внутренним способностям, чем больше станем делать жизнь внутренней, углублять ее, тем больше будем мы способствовать тому, что должно стать основной чертой будущего человечества. Внешняя жизнь все усложняется, с этим нельзя ничего поделать, но души будут соединяться глубиной внутренней жизни. Пусть тот или иной человек внешне осуществляет ту или иную деятельность, но внутреннее достояние души будет соединять друг с другом отдельные души в антропософской жизни и побуждать их действовать так, чтобы эта антропософская жизнь могла все больше перетекать и в жизнь внешнюю. Мы знаем, что вся внешняя жизнь укрепляется, когда душа обретает в антропософии свою реальность; поэтому соединятся люди всех внешних направлений жизни, всех внешних профессий и всех внешних типов жизни. То, что даст антропософия, приведет к созданию души внешнего культурного движения, внешняя жизнь будет одушевлена. Чтобы это смогло произойти, в души прежде должно войти сознание важного закона кармы. Чем дальше мы будем продвигаться в будущее, тем больше нужно будет каждому чувствовать в этом сознании одушевление всей жизни.

Внешние законы и установления сделают внешний ход жизни столь сложным, что люди перестанут ориентироваться в такой жизни. Напротив, усвоение закона кармы приведет к тому, что в душу войдет знание того, что она должна делать, чтобы, следуя себе, идти своим путем через мир. Лучше всего ей удастся это там, где события регулируются внутренней жизнью души. В нашей жизни есть такие вещи, которые удаются легко, потому что человек следует внутреннему побуждению, которое уверенно руководит им. Так, к примеру, мы ходим по улицам. Не нужно предписаний для каждого пешехода, в какую сторону надо уступать дорогу при встрече с другим пешеходом. Тем не менее два человека, встречаясь друг с другом, редко сталкиваются, ибо есть руководящая ими внутренняя необходимость. Иначе пришлось бы приставить к каждому конвойного, который говорил бы ему, налево или направо нужно идти. В некоторых кругах и хотят приставить к людям с одной стороны конвойного, с другой — врача; правда, пока сие неосуществимо! Но именно следуя свободному внутреннему началу, легче всего идти вперед. Поэтому в человеческом общении эти внутренние силы нужно направить на человеческое внимание друг к другу, на уважение человеческого достоинства. А это может быть только в том случае, если людей

будут понимать так, как их можно понимать, имея в виду закон перевоплощения и кармы. Такое человеческое общежитие осуществится в более высокой сфере лишь тогда, когда в души войдет значение этого закона. Это лучше всего покажет какой-нибудь конкретный пример, скажем, рассмотрение взаимосвязи пламенной веры и знания, любви и чувства собственного достоинства; это видно и из такого рассмотрения, какое мы провели вчера.

Я не зря хотел прочесть вам такие лекции, как вчерашняя и сегодняшняя. И речь тут идет не столько о том, что именно было сказано — сказать можно было иначе. То, что говорилось вчера и сегодня, не есть дело первостепенной важности. Но важным мне представляется то, чтобы люди, примкнувшие к антропософскому культурному движению, так прониклись идеями перевоплощения и кармы, что поняли бы, как должна измениться жизнь, если в каждой человеческой душе будет сознание перевоплощения и кармы.

Современная культурная жизнь сложилась вне сознания перевоплощения и кармы, такое сознание было исключено. И самое важное, что должна принести антропософия, это то, чтобы эти вещи по-настоящему вошли в жизнь, чтобы они пронизали собою культуру и существенно преобразили ее.

Современный человек говорит, что перевоплощение и карма — это-де бредни, чепуха, ведь видно, что люди рождаются и что они умирают, но чтобы при смерти человека из него что-то вылетало, этого не видно, а потому на это нечего обращать внимание. Но другой может возразить: не видно, чтобы что-то вылетало, но можно учесть эти законы, и только тогда станут объяснимы все жизненные процессы, и можно постичь некоторые вещи, которые без этого остались бы непонятными. И вот как относятся друг к другу эти два человека, так относятся друг к другу настоящее и будущее, то будущее, культура которого включит в себя учение о перевоплощении и карме и их законы. И если при формировании современной культуры идеи перевоплощения и кармы не играли никакой роли как общие идеи человечества, то во всех культурах будущего они будут играть первейшую роль!

Все это нужно живо сознавать, чтобы антропософ чувствовал — указанным образом он участвует в создании новой культуры. Это ощущение, это чувство интенсивного значения перевоплощения и кармы для жизни, могло бы стать тем, что объединит сегодня группу людей, вне зависимости от тех внешних обстоятельств, в которых находятся эти люди. Люди, которых связывает такой настрой, могут объединиться только через антропософию.

Пятая лекция. Берлин, 5 марта 1912 г

Здесь, в этом месте, мы годами рассматривали антропософские истины, антропософские познания. Мы пытались приблизиться с самых разных сторон к тому, что, как мы полагаем, должно называться антропософией, пытались усвоить то, что может проистекать из антропософских познаний. И вот следовало бы в ходе таких рассматриваний, какие мы в последний раз проводили и еще будем проводить, задаться вопросом: что, собственно, может и должна дать антропософия людям настоящего, людям нашего времени? Что она в себе содержит, об этом благодаря нашим рассмотрениям мы знаем довольно много, и потому на основе знакомства с некоторыми антропософскими истинами можем подойти к вопросу: что же может дать антропософия людям нашего времени?

Приступая к этому вопросу, мы должны прежде всего помнить о том, что нужно — по меньшей мере в наших мыслях — строго отделять антропософскую жизнь, антропософское движение от такого общественного института, который можно называть именем "Антропософское общество". Реально вся современная жизнь, разумеется, постоянно делает необходимым объединение в некое общество людей, желающих заниматься антропософией. Но если такое объединение необходимо, это вызвано в большей мере всей современной жизнью, находящейся вне антропософии, нежели содержанием, образом мыслей или еще какой-либо составляющей самой антропософии. Саму по себе антропософию можно преподавать сегодня так, как сегодня преподается все прочее. Антропософию можно было бы — и это вполне представимо — преподавать так, как сейчас преподают химию, и люди

могли бы приходить к антропософским истинам подобно тому, как они приходят к познанию химии или математики. В этом случае те последствия, что будут иметь место в душе каждого человека в отдельности, то, как воспримет эта душа антропософию, и то, как она сделает ее жизненным импульсом, — все это останется делом каждого человека в отдельности. Необходимость антропософского общества или вообще всякого объединения людей для занятий антропософией вызвана тем, что антропософия входит в нашу реальность как нечто совершенно новое, как совершенно новое познание, и должна еще быть воспринята духовной жизнью, тогда как людям, стоящим вне антропософской жизни, недостаточно обычного душевного склада нашего времени, но в дополнение к этому обычному душевному складу, присущему людям нашего времени, требуется особая подготовка души и сердца — только в этом случае антропософия окажет на них свое воздействие. А такая подготовка души и сердца может быть получена лишь через совместную жизнь в наших антропософских ветвях, объединениях и т. п. Здесь мы усваиваем некий род мышления, некий род чувствования, позволяющий нам смотреть серьезно на такие вещи, которые люди, пребывающие во внешнем мире и мало что слышавшие об антропософии, естественным и понятным образом должны считать, возможно, просто безумным бредом.

Конечно, можно возразить, что антропософия распространяется и через публичные лекции, обращенные к совершенно неподготовленным людям. Но как раз те, кто принадлежит к нашим кругам как к обществу в тесном смысле слова, поймут, что весь тон и вся внутренняя позиция антропософской лекции, читаемой для неподготовленной публики, должны быть иными, чем в том случае, когда лекция читается людям, которые стремлением своих сердец, всем своим внутренним настроем могут принимать всерьез то, чего широкая публика принимать всерьез еще не в состоянии. И такое положение в ближайшем будущем вовсе не улучшится — об этом не может быть и речи, — но будет проявляться в ближайшем будущем все сильнее и резче. Внешняя враждебность ко всему антропософскому будет все нарастать и нарастать в мире, причем по той причине, что именно антропософия в наше время есть нечто в высшей степени своевременное, нечто в высшей степени необходимое, а самое своевременное и необходимое, в сущности, всегда вызывает у людей самый сильный протест.

Можно спросить: почему же это так? Почему человеческие сердца в любую эпоху сильнее всего протестуют против того, в чем эта эпоха нуждается сильнее всего? Антропософ должен это понять, но дать даже отдаленное представление об этом неподготовленной публике слишком трудно.

Антропософу известно, что есть люциферические силы и существа, отставшие от общей эволюции сущности. Они оказывают свое влияние через человеческие сердца и души, и они в высшей степени заинтересованы в том, чтобы наиболее сильные свои нападения, свои атаки производить в те времена, когда развивается сильнейшее стремление вперед, ввысь. Поскольку же протест человеческих сердец против того, что в человеческом развитии стремится вперед, происходит от этих люциферических сил и поскольку такие атаки предпринимаются тогда, когда этим силам приходится совсем плохо, эти атаки — а значит, и протест человеческих сердец — должны быть в такие эпохи сильнее всего. Отсюда мы можем понять, что самые значительные для человечества истины с давних пор, вживаясь в человеческое развитие, должны были считаться с тем обстоятельством, что они встретят сильнейшее сопротивление. Всё, что не очень отличается от происходящего обычно в мире, вряд ли встретит такое сопротивление. Но то, что вступает в мир потому, что человечество давно его жаждало и не получало, как раз и вызовет самые сильные атаки люциферических сил. Поэтому общество и должно стать не чем иным, как защитным валом против всего этого враждебного, хотя и вполне понятного, отношения внешнего мира. Нужно иметь нечто такое, в пределах чего можно говорить об этих вещах, будучи уверенным: те, к кому обращаешься или с кем вместе находишься, в какой-то мере относятся к этим вещам с пониманием, тогда как других, не присоединившихся к ним, это не касается. Люди полагают, что их касается все, что высказывается публично, и хотят судить об этом, к чему их, конечно,

подталкивают люциферические силы. Отсюда мы видим, что антропософией заниматься необходимо, но что антропософия приносит в современность нечто такое, что должно прийти, чего требуют в наше время духовная жажда и духовный голод, что при любых обстоятельствах так или иначе придет. Ибо о том, чтобы оно пришло, заботятся духовные силы, посвятившие себя эволюции.

Поэтому мы можем в чисто антропософском смысле задать такой вопрос: где то важнейшее, что антропософия должна насадить среди людей в наше время? Это должны быть такие вещи, которых особенно жаждет современное человечество, которые являются самыми насущными. И как раз при ответе на подобный вопрос чаще всего возможны недоразумения. Поэтому так необходимо сначала мысленно разграничить антропософию и Антропософское общество. Ибо антропософия должна принести человечеству новые знания, новые истины. Но никакое общество — а тем более в наше время — не может присягать на верность каким-то особым истинам. Какая у вас, антропософов, вера? — это самый бессмысленный вопрос. Он бессмыслен в том случае, если понимать под "антропософом" человека, принадлежащего к Антропософскому обществу, ведь тогда нужно полагать, что все общество обладает общим убеждением, общей догмой. Такого быть не может. В тот момент, когда все общество — уставным образом — должно будет присягнуть какой-то общей догме, оно перестанет быть обществом — начнется сектантство. Вот рубеж, на котором общество перестает быть обществом. В тот момент, когда человека обязывают иметь определенные, требуемые обществом убеждения, оно становится сектой. Поэтому общество, которое занимается тем, о чем сейчас идет речь, является таковым лишь при условии, что его членами руководит естественное духовное стремление. Могут спросить: какие люди приходят сюда, чтобы услышать нечто об антропософии? И можно будет дать ответ: те, кто хочет услышать нечто о духовных вещах, кто стремится услышать нечто о духовных вещах. Такое стремление — не догма. Ибо когда кто-то ищет нечто, но не говорит, что именно он найдет, а просто ищет, этот поиск и есть то общее, что должно быть у членов общества, если оно не желает сделаться сектой. И совершенно независим от сказанного смысл вопроса: что же приносит человечеству антропософия как таковая? На это нужно ответить: антропософия как таковая приносит человечеству нечто подобное тому, что содержали все великие духовные истины, какие ни открывались людям, только она приносит нечто более духовное, а в отношении человеческой души более глубокое и более значительное.

Среди вещей, которые мы рассматривали в наших рассуждениях, есть такие, о которых можно сказать, что они, собственно не являются значительными и характерными, если речь идет о том, что современное человечество должно получить нечто новое. Но это фундаментальные вещи, фундаментальные истины, и они действительно предстают человечеству как новые. И нам не нужно далеко ходить, чтобы показать, в чем состоит новизна антропософского движения. Она состоит в том, что две истины, принадлежащие к нашим, так сказать, фундаментальнейшим вещам, подступают к человеческой душе все более убедительным образом — это истины перевоплощения и кармы. Можно сказать так: если антропософ обладает серьезным стремлением, то первое, что он находит на своем пути, это необходимость познания перевоплощения и кармы. Мы, к примеру, не можем сказать, что некоторые вещи, скажем возможность под-няться в высшие миры, приходит в культуру Запада как нечто фундаментально новое благодаря антропософии; ведь тот, кто знаком с развитием Западного мира, кто знает, что были мистики, такие, как Якоб Бёме, или Сведенборг, или вся школа Якоба Бёме, знает и то, что в одно верили всегда (хотя было и много споров об этом), одно всегда имело место как воззрение: человек может подняться из обычного чувственного мира в высшие миры. Таким образом, это не есть нечто фундаментально новое. Есть и другие вещи, не являющиеся радикально новыми. Возьмем то, что фундаментально в отношении эволюции. Если мы, к примеру, будем говорить о проблеме Христа, это не будет чем-то фундаментально новым, что принесла антропософия; но самое фундаментальное — та форма, которую обретает проблема Христа, когда

перевоплощение и карма утверждаются в человеческих сердцах как истины. Здесь важно то освещение, которое получает проблема Христа при условии истинности перевоплощения и кармы. Ведь проблема Христа глубоко интересовала Запад в самые разные эпохи. Можно вспомнить в связи с этим об эпохе гносиса, можно вспомнить о временах, когда углублялось эзотерическое христианство, например, христианство тех, кто соединялся под знаком Грааля или Креста с Розами, о том, как они углубили проблему Христа. Итак, не это фундаментально. Фундаментальной, важной становится эта проблема для душ Западного мира, для познания и религиозных потребностей только через истины перевоплощения и кармы, так что тот, кто испытывает расширение своей души благодаря познанию перевоплощения и кармы, непременно нуждается в новом познании старых проблем. Что же касается познания перевоплощения и кармы, то тут мы должны сказать прямо противоположное тому, что говорилось только что о других проблемах. Мы можем, самое большее, указать на то, что идеи перевоплощения и кармы стали робко входить в западную культуру во времена Лессинга, который в своем "Воспитании человеческого рода" пришел к ним. Затем мы находим и другие примеры того, как к этой проблеме подступали глубокие умы. Но на деле лишь в наше время перевоплощение и карма могут стать составной частью человеческого сознания, восприниматься сердцем и душою человека так, как это происходит через антропософию. Поэтому можно сказать: отношение человека нашего времени к антропософии характеризуется тем, в состоянии ли он принять в себя, познать, исходя из каких бы то ни было предпосылок, идеи перевоплощения и кармы. Это самое существенное, от этого все зависит. Остальное более или менее естественным образом вытекает из того, может ли человек верно отнестись к перевоплощению и карме.

Занимаясь этим вопросом, мы должны теперь прояснить, что это будет означать для западного человечества и для человечества вообще, когда перевоплощение и карма станут знаниями, которые, так сказать, перейдут в повседневность, подобно тому как перешли в повседневность другие истины. В ближайшее время эти идеи должны будут войти в сознание человечества в гораздо большем объеме, чем то было, скажем, с коперниканским мировоззрением. В отношении последнего нужно как следует понять, что оно, в общем-то, стремительно вжилось в души людей. Подумайте о том, что я уже говорил в публичной лекции на эту тему: много ли времени в масштабах мировой истории понадобилось для распространения этого коперниканского мировоззрения; вспомните также, что это мировоззрение охватило людей вплоть до учеников начальных школ.

Есть значительное различие между этим коперниканским мировоззрением и мировоззрением антропософским в отношении того, как они проникают в человеческие души, поскольку последнее опирается на фундамент перевоплощения и кармы. Чтобы охарактеризовать это различие, в самом деле нужна антропософская ветвь, где бы собирались люди, делающие это по своей воле, — ведь для характеристики этого различия необходимо высказать одну вещь, от которой людей, стоящих вне антропософского движения, должно просто выворачивать наизнанку!

Что же было нужно, чтобы люди, причем также и дети, столь быстро приняли коперниканское мировоззрение? Те, кто слышал мои выступления по поводу этого мировоззрения или по поводу новейшего естествознания, знают, конечно, что я вовсе не выношу отрицательного суждения об этой современной естественнонаучной концепции. Поэтому да будет позволено сказать, поскольку нужно точно охарактеризовать указанное различие: чтобы принять эту картину мира, ограниченную одной характеристикой пространства, внешними пространственными отношениями, потребовалась целая эпоха поверхностности! И причина того, почему так быстро прижилось коперниканское мировоззрение, в том, что люди в течение целой эпохи были поверхностны. Поверхностное миропонимание было необходимой предпосылкой для вживания в мир коперниканского мировоззрения. И как раз противоположное — внутренняя углубленность — будет необходимо для того, чтобы могли вжиться истины антропософии, особенно коренные и фундаментальные истины перевоплощения и кармы. И если сегодня мы обречены на убеждение в

том, что истины перевоплощения и кармы должны вживаться в человечество намного, намного сильнее и в гораздо большем объеме, то одновременно мы должны понять, что в этом отношении мы стоим на рубеже двух эпох — эпохи поверхностности и эпохи необходимого углубления, интериоризации человеческой души и человеческого сердца. Вот то, что должно в первую очередь запечатлеться в наших душах, если мы хотим полностью созна-вать, что должна принести антропософия современному человечеству. И тогда мы должны задать себе вопрос: как же будет складываться жизнь под влиянием познания истин перевоплощения и кармы?

Мы должны подумать, что же означает для человеческого сердца осознание: перевоплощение и карма — истина? Что это такое для всего человеческого сознания, для всего чувствования и мышления души человека? Каждый может понять, если подумает над этим, что речь идет о чем-то не меньшем, чем расширение человеческого "я" путем знания, путем познания — за некоторые пределы, поставленные знанию и познанию. Ибо в прошедшую эпоху весьма резко подчеркивалось, что можно знать и познавать лишь то, что заключено между рождением и смертью; все сильнее становилось убеждение, что можно лишь, самое большее, верить тому, кто восходит знанием в духовный мир. Но если рассматривать дело с точки зрения познания, оно еще не приобретает такого большого значения; важным становится оно тогда, когда с точки зрения познания мы переходим на моральную, душевно-моральную точку зрения. Только здесь раскрывается все величие и значение идей перевоплощения и кармы.

Мы можем привести сотни доводов в подтверждение сказанного сейчас, но скажем только одно. Возьмем людей прежних времен западной культуры и подавляющее большинство людей западной культуры, живущих сегодня. Даже если эти люди чрезвычайно сильно привязаны к мысли, что человек остается неприкосновенен в своем существе, когда проходит здесь, на земле, сквозь врата смерти, все же вся эта духовная жизнь, следующая за смертью, полностью отделяется от земного бытия, если нет идей о перевоплощении и карме. Человек вступает после своей смерти в духовный мир, но если нет пере воплощения и кармы, то — за исключением именно тех "исключений", которые признают более или менее спиритуалистически настроенные натуры, что в отдельных случаях умершие могут влиять на события в этом мире, — мы имеем тут дело с идеей, что все происходящее в духовном мире после прохождения человека сквозь врата смерти, будь то кара или награда, удалено от земной сферы как таковой и что последствия жизни этого человека разыгрываются на совершенно иной, внеземной сцене. Но если человек переходит к познанию перевоплощения и кармы, дело предстает совсем иным. Тут мы должны уяснить, что живущее в душе такого человека после прохождения сквозь врата смерти имеет уже значение не просто для удаленной от земли сферы, но что от пережитого им между рождением и смертью зависит будущий облик Земли. Земля будет иметь такую, так сказать, внешнюю конфигурацию, какую ей придадут люди, жившие на ней прежде. Вся планета в ее будущей конфигурации, будущее человеческое общежитие зависят от того, как люди жили прежде, в своих прошлых воплощениях. Такова душевно-моральная сторона этих идей. И человек, принимающий их, знает: каким я был в этой жизни, так я буду влиять на все, что произойдет в будущем, на всю культуру будущего! Это значит, что со знанием о перевоплощении и карме в человеке расширяется, выходя за рамки рождения и смерти, то, с чем человек был прежде знаком только в самых тесных его границах — это чувство ответственности! Мы видим, как вырастает чувство повышенной ответственности. В этом находит свое выражение то, что выступает глубоко значительным моральным следствием идей перевоплощения и кармы. Человек, не верящий в перевоплощение и карму, может сказать: когда я пройду сквозь врата смерти, я, самое большее, буду наказан или награжден за то, что я делал здесь; я испытаю последствия этого бытия на том свете, а он управляется какими-то духовными силами, которые уж как-нибудь воспрепятствуют вредному влиянию на весь мир того, что я ношу в себе. Но так уже не скажет тот, кто знает, что перевоплощение и карма есть идея, доступная познанию, ибо он знает, что люди, перевоплощаясь, становятся теми или иными в

зависимости от того, как они жили в предшествующей своей жизни.

Важным и значительным будет то, что фундаментальные идеи антропософского мировоззрения перейдут в душевную жизнь людей и их образ мыслей, они выступят в виде таких моральных импульсов, о каких в прошедшие эпохи люди, в сущности, и догадываться не могли. Как мы видели, чувство ответственности разовьется в такой форме, в какой прежде это было совершенно невозможно, а затем необходимо должны появиться и другие моральные идеи подобно тому, как то произойдет с чувством ответственности. Живя под влиянием идей перевоплощения и кармы, мы научимся понимать, что о нашей жизни нельзя судить, только исходя из предпосылок, явных в период между рождением и смертью, но нужно исходить из таких предпосылок, которые распространяют свое значение на много, много жизней.

Если в отношении к другим людям мы исходим из тех предпосылок, из каких принято исходить до сих пор, то развиваем в себе к этим людям симпатию, антипатию, более или менее сильную любовь и т. п. Нужно сказать, что то, как относится человек к человеку в наше время, в действительности есть результат того воззрения, что земная жизнь заключена в рамки рождения и смерти. Мы на самом деле живем так, как следовало бы жить, если было бы верно, что человек живет на земле только раз. Можно сказать: мы относимся к нашим друзьям, родителям, братьям, сестрам и т. д. таким образом, что во всех наших чувствах и ощущениях присутствует нечто, говорящее, что мы живем на земле только раз. И произойдет из ряда вон выходящее преобразование жизни, если воззрение, что перевоплощение и карма существуют, станет достоянием многих, а не только отдельных умов, да еще — как часто бывает — только в теории. До сих пор это остается по большому счету всего лишь теорией. Можно сказать, что сегодня дело обстоит так: есть некоторое число антропософов, верящих в перевоплощение и карму, но они живут так, будто перевоплощения и кармы не существует, будто жизнь все-таки заключена в рамки рождения и смерти. Это и не может быть иначе, ведь привычки, которые прививает жизнь, изменяются не столь быстро, как изменяются идеи. Когда мы введем верные и конкретные идеи перевоплощения и кармы — а только о таких идеях может идти речь, — в нашу жизнь, только тогда мы увидим, как эта жизнь может быть оплодотворена такими идеями.

Мы видим, что, вступая в жизнь, мы, люди, встречаемся в ее начале с нашими родителями, братьями, сестрами и т. д. Мы видим, что по необходимости, вызванной этим естественным установлением, мы в первое время нашей жизни преимущественно занимаем в ней такое положение, что те, кто находится вокруг нас, поставлены рядом с нами более или менее благодаря природным началам — кровному родству, близости местонахождения и т. д. Затем мы подрастаем и видим, как эти круги кровного родства расширяются, как мы вступаем с теми или иными людьми в такие связи, которые уже никак не зависят от кровного родства. Так вот, важно понять эти вещи кармически — только в этом случае они обретут в жизни совершенно новое звучание. Ибо карма обретает значение для жизни тогда, когда мы подходим к ней конкретно, когда действительно используем в жизни то, что дают исследования духовной науки. Разумеется, это может быть установлено только исследованиями духовной науки, но затем может быть использовано в жизни.

По существу, важная кармическая проблема состоит в следующем: как получается, что в теперешней жизни мы сталкиваемся, к примеру, именно с теми людьми, с которыми сталкиваемся по всем понятной причине кровного родства? Почему мы встречаем их в начале земного пути? Исследования этой проблемы духовной наукой показывают нечто весьма интересное. Как правило, бывает так — хотя несмотря на целый ряд фактов есть и множество исключений, — что люди, с которыми мы непроизвольно сталкиваемся в начале нашей жизни, уже встречались нам в одной из прошлых наших жизней, чаще всего даже в непосредственно предшествующей, причем в середине жизни, примерно между тридцатью и сорока годами. Тогда тем или иным образом мы выбрали этих людей по собственной воле, потому что нас влекла к ним сердечная склонность и так далее. Мы впали бы в заблуждение, если бы решили, что люди, с которыми мы сталкиваемся в начале нашей жизни, есть те, с

кем мы были вместе в начале другой жизни. С теми, с кем нас связывает кровное родство, мы были не в начале одной из жизней и не в конце ее, а в середине, причем по своему свободному выбору. Очень часты случаи, когда человек в одной жизни является мужем или женой другого, то есть свободно выбирает его, а в следующей жизни становится его сыном, матерью, братом или сестрой. Исследования духовной науки показывают, что спекуляции и измышления приводят к таким выводам, которые обычно оказываются ложными. Факты обычно перечеркивают эти спекулятивные расчеты.

Продумаем теперь только что описанный факт, воспринимая его таким, как он, если судить непредубежденно, вытекает из духовной науки и как опять же он расширяет все наше отношение к жизни. Западная культура постепенно пришла к тому, что люди уже не могут воспринимать свои отношения с теми, с кем они связаны узами кровного родства, иначе как случайность. Говорят о случайности и уже часто верят в случайность. Во что же еще верить, как не в случай, если жизнь мыслится заключенной в рамки рождения и смерти? Для одной жизни, разумеется, признают, что человек ответственен за последствия тех событий, которые вызваны им самим. Когда же человек переводит свое "я" через то, что происходит между рождением и смертью, чувствуя связь своего "я" с другими людьми другого воплощения, он начинает чувствовать ответственность так же, как за свои дела внутри одной жизни. Эти конкретные факты должны будут узнавать на опыте все больше людей. Та общая мысль, когда говорят, что человек в кармическом смысле сам выбирает себе родителей, еще ничего особенного не дает. Но человек получает представление об этом выборе, который может быть подтвержден и всем иным жизненным опытом, если знает: тех, кого я избрал себе, совершенно того не сознавая, в прежней жизни я выбрал в момент наивысшей сознательности, в ту пору, когда был наиболее зрелым.

Сегодня это может показаться кому-то неприятным, но это правда. Ибо люди, недовольные своими кровными родственниками, должны будут понять, что основы этой неудовлетворенности заложили они сами, поэтому теперь нужно своевременно позаботиться о следующей своей инкарнации — и вот идея перевоплощения и кармы уже становится плодотворной в жизни. И эти идеи служат вовсе не удовлетворению какого-то любопытства и прочее, а нашему совершенствованию, а тем самым и совершенствованию всей жизни. А дальше мы должны узнать, что сказанное имеет силу подобным же образом и для нынешней жизни и ее последствий, то есть те, с кем мы сходимся между тридцатью и сорока годами, когда полагаем, что можем выносить суждения совершенно разумно, оказываются связаны с нами таким образом, что они встретятся нам в самом начале одной из следующих жизней, будут, возможно, нашими родителями, братьями и сестрами. Если мы знаем, что зависит от образования семейных конфигураций, от встречи друг с другом тех или иных людей, наше чувство ответственности значительно расширится благодаря идеям перевоплощения и кармы.

Мы можем подчеркнуть, как я уже говорил, что эти вещи оказываются доступными пониманию в жизни. Разве не должны быть мощными, значительными те силы, которые приводят человеческую индивидуальность в некую семью? Но они не могут обладать такой мощью в человеке, который в это время воплощается, ведь тогда они не имели бы почти ничего общего с мирами, куда он нисходит. Не понятно ли, что силы, действующие в самых глубинах души, должны происходить из времен прошлой жизни, когда мы сами создавали взаимосвязи мощной силой дружбы, если так можно сказать, "сознательной любви"? То, что действовало в одной жизни в качестве сознательных сил, действует в следующей как неосознанные силы; так объясняется то, что совершается более или менее бессознательно.

Однако нельзя забывать о фактах, полученных путем исследования, потому что именно эти факты почти всегда перечеркивают спекулятивные рассуждения, и только потом становится видна логичность этих фактов. Нельзя позволять себе пускаться в спекуляции, ибо тогда нельзя будет прийти к верной точке зрения, но всегда будет получаться как у того человека, о беседе с которым я уже рассказывал. В городе на юге Германии один богослов мне как-то сказал: "Я читал ваши труды и увидел, что они логичны; я подумал, что,

поскольку они логичны, то возможно, что их автор пришел к этим выводам путем одной логики". То есть, если бы я писал менее "логично", то в глазах того богослова заслужил бы большее одобрение, потому что он увидел бы тогда, что эти описания не были добыты просто логическим путем. Однако тот, кто вникнет в мои работы, увидит, что логическая форма придана им при изложении, но результаты не были получены логическим путем. По крайней мере, я не мог найти их таким путем, заверил я теолога. Может быть, у других бы это получилось.

Если мы рассматриваем вещи таким образом, то оказывается глубоко значительной идея, что самые важные импульсы, какие должны исходить от антропософии, есть импульсы морально-душевные. Мы говорили сегодня о чувстве ответственности в разных сферах. Мы можем так же рассмотреть любовь или сострадание, которые тоже могут принимать различные формы под влиянием идей перевоплощения и кармы. По этой причине мы и придавали в течение многих лет такое большое значение тому, чтобы всегда, даже в публичных лекциях, рассматривать антропософию в связи с жизнью, в связи с ближайшими явлениями жизни. Так, мы говорили о миссии гнева, о человеческой совести, о молитве, о воспитании детей, о разных возрастах человека — и всегда освещали эти вещи так, как следует их освещать, если считаешь верными идеи перевоплощения и кармы. И мы выявили, какое преобразующее действие оказывают эти идеи на жизнь. В сущности, основную часть наших рассуждений составило рассмотрение этих фундаментальных идей в их влиянии на жизнь. Пусть не всегда из явлений перевоплощения и кармы выводится в абстрактных формулировках то значение, которое они придают, к примеру, душевным свойствам, совести, характеру или молитве, пусть мы не всегда говорим: если принять идеи перевоплощения и кармы, отсюда следует... — и так далее, тем не менее все наши рассуждения находились под влиянием импульса перевоплощения и кармы. И для ближайшего будущего будет иметь большое значение, что не только наука о душе испытает влияние этих идей, но и другие науки. Если взять такую лекцию, как моя последняя публичная лекция "Смерть у людей, животных и растений", вы найдете, что в ней я стремился показать, как научатся люди думать о смерти растения, животного и человека, если увидят в себе то, что выходит за пределы отдельной человеческой жизни. Мы поняли значение смерти человека, животного и растения, уяснив, что по разному живут человеческое "я", "я" животного и растений. Человек обладает индивидуальным "я", у животных есть групповая душа, а у растений мы имеем дело с частью души всей планетной системы. Благодаря этому мы увидели: то, что у растений внешне выступает как смерть и возникновение, есть просто засыпание и пробуждение. В свою очередь, у животных дело обстоит иначе: подобно тому, как у нас самих "я", проходя отдельную инкарнацию, преодолевает определенные инстинкты и т. д. Но только у человека, который сам обуславливает свои воплощения, мы видим, что смерть является залогом бессмертия и что слово "смерть" в таком значении может употребляться только в отношении человека, или же, если мы употребляем это слово в общем его значении, нужно указывать, как умирает человек, как — животное и как — растение, и делать оговорку, что для животных и растений следовало бы придумать какое-то новое слово.

Все прочее в антропософии связано с тем, что человеческая душа требует знаний о тех или иных вещах, но все это "прочее", в сущности, не позволяет еще человеку стать антропософом. К определенным вещам человек придет, когда настанет для этого время. Если он в состоянии принять идеи перевоплощения и кармы в том смысле, в каком мы должны их излагать в отличие от старых идей перевоплощения и кармы, как, например, в буддизме, такой человек в процессе исследования сам придет к прочим вещам. Поэтому основная часть нашей работы была посвящена тому, чтобы пристально наблюдать влияние перевоплощения и кармы на всю человеческую жизнь.

В связи с этим должно быть ясно и то, что работу в каком-либо антропософском объединении или обществе нужно видеть в духе этой миссии антропософии. Поэтому понятно, что, в сущности, мы говорим о таких вещах, которые кажутся человеку, стоящему

вне антропософии как таковой и мало ею затронутому, важнейшими вещами, — мы говорим о них только тогда, когда хотим подняться от основных истин к тем вещам, которые близки всякой душе, поскольку она является душой Западного мира. Вполне представим случай, что люди могли бы взять в антропософии то новое, что сегодня было охарактеризовано как фундаментально новое, и вовсе не думали бы при этом о тех или иных религиозных противоречиях между людьми. Ибо занятия сравнительным религиоведением вовсе не являются существенной чертой этой новой духовной науки. Правда, этим сейчас тоже занимаются, причем во вполне достаточном объеме; но по сравнению с тем, что делается в этой области другими, занятия теософов не отличаются особым глубокомыслием. Важно, однако, то, что все эти вещи освещаются антропософией светом, исходящим от идей перевоплощения и кармы.

И еще в одном отношении будет существенно возрастет под влиянием этих идей чувство ответственности. Если мы посмотрим на то, что говорилось сегодня об отношениях кровных родственников к свободно выбранным людям, то увидим, что тут имеется некая противоположность: то, что в одной жизни есть самое внутреннее, самое скрытое в своих импульсах, то в другой жизни есть самое явное. Если в одной инкарнации мы обращаем к людям свои самые глубокие дружеские чувства, то готовим себе тем самым внешнее родство — кровное родство или нечто подобное. Сходным образом обстоит дело и в другой области. То, как мы думаем о чем-то и что кажется нам менее всего действительным в этой инкарнации, становится определяющим, обуславливающим импульсы следующей инкарнации. То, как мы думаем, предаемся с легким сердцем какой-то истине или же будем путем проверки всеми доступными нам средствами подходить к истине, будет в нас чувство истины или же фанатизм, — это благодаря вживанию в идеи перевоплощения и кармы вступает в совершенно новые отношения с человеческим развитием, не такие, как это имеет место сейчас. Ибо то, что в теперешней инкарнации находится в самой глубине нашего существа, в следующей будет самым явным. И тот, кто много лжет или имеет склонность принимать те или иные вещи с легким сердцем, будет легкомысленным человеком в следующем или одном из следующих воплощений. Ибо то, что мы мыслим, и то, как мы мыслим, каково наше отношение к истине, то есть все внутреннее в этой инкарнации станет мерой нашего поведения в инкарнации следующей. Если мы, к примеру, будем считать в этой инкарнации очень плохим человека, не проверив, так ли это, а на самом деле, если бы мы проверили, оказалось бы, что он хороший или хотя бы средний человек, мы же пронесем это наше непроверенное мнение через всю свою жизнь, то выяснится, что, судя о людях таким образом, мы станем в следующей инкарнации невыносимыми, сварливыми, отвратительными людьми! Тут мы опять имеем дело с раздвижением пределов морального элемента нашей души, морально-задушевного элемента.

Чрезвычайно важно, чтобы мы как следует увидели эти вещи и чтобы мы познакомились с мыслью, какое фундаментальное значение имеет принятие всею глубиной души того действительно нового, что вступает в духовное развитие нашего времени с идеями перевоплощения и кармы и неким образом обновляет собою все прочие вещи. Оттого-то мы все время существования нашего антропософского движения и придавали основное значение этому, а другие проблемы, конечно с необходимостью вытекающие отсюда, рассматривали именно лишь постольку, постольку они с необходимостью отсюда вытекают. Поэтому, к примеру, наше своеобразие, то, как в нашей среде занимаются антропософией, — если только верно описывают, как мы этим занимаемся, — никогда не может быть противопоставлено какому-либо движению, ставящему в центр своих рассмотрений идеи перевоплощения и кармы. Только извне могут строить какую-то оппозицию по отношению к нам; но это невозможно, если верно описывать вещи, происходящие в нашей среде. Посмотрим только на одно: ведь насколько мало, в общем-то, у нас говорилось о проблеме Христа! Тут никто не должен придавать тому, что говорилось об этом, большего веса, чем следует, хотя бы данный человек и ощущал эту проблему особенно важной для своего сердца; тут нужен объективный подход. Так что, если те или иные вещи являются

необходимым следствием зрелого понимания перевоплощения и кармы, то все же никто не имеет оснований утверждать, что мы много говорим о проблеме Христа. Ибо не это есть то фундаментальное, что делает людей нашего времени антропософами, но фундаментально то, что вступает в мир как новое, и фундаментально то, чтобы это новое действительно было воспринято человечеством. Поэтому мы должны понимать, что какое-то противопоставление может быть выстроено только при неверном описании вопросов, которыми мы здесь занимаемся, и такое противопоставление может строиться только извне. Кто-то может быть нашим врагом, но нам не нужно изобретать никакой вражды; ведь не беспокоиться о чем-то не означает быть этому враждебным, иначе пришлось бы считать человека врагом всего, о чем он не беспокоится!

Я особенно хотел вложить вам в душу, чтобы вы подумали над тем, что же составляет настоящую новизну антропософии, что в ней действительно фундаментально. Разумеется, это не означает такого вывода: общество антропософов — такое общество, где верят в перевоплощение и карму. Это означает вот что: как когда-то созрело время для принятия коперниканского мировоззрения, так наше время созрело для того, чтобы довести учение о перевоплощении и карме до общего сознания человечества. И то, что должно произойти в ходе развития человечества, произойдет, как бы много сил этому ни противилось. А с перевоплощением и кармой, с истинным пониманием перевоплощения и кармы все остальное приложится. Все остальное явится благодаря тому свету, который будут излучать перевоплощение и карма.

Было весьма полезно разобрать, что же является фундаментальным различием между теми, кто чувствует интерес к антропософии, и теми, кто питает к ней враждебность. Это не само по себе признание того, что существует некий высший мир; это такое представление о высшем, которое испытало влияние идей перевоплощения и кармы. Таким образом, сегодня мы показали нечто такое, что можно считать существенной стороной антропософского мировоззрения.

Примечания

Лекции были прочитаны перед членами Теософского общества. Текст их составлен на основе стенограмм В. Фегелана (берлинские лекции) и Р. Хана (штутгартские), расшифрованных самими стенографами. Перевод сделан по Полному собранию сочинений и лекций Р. Штайнера: "Rudolf-Steiner-Gesamtausgabe". Bd. 135: Wiederverl rperung und Karma und ihre Bedeutung f r die Kultur der Gegenwart. Fbnf VortrAge. Dornach/Schweiz 1978. В примечаниях использован справочный аппарат этого издания. Отсылки к текстам собрания даются ниже сокращенно: GA с указанием номера тома.

...на лекциях, прерванных... — "Die Evolution vom Gesichtspunkte des Wahrhaftigen", 5 Vortr ge in Berlin vom 31. Oktober bis 5. Dezember 1911 (GA 132).

Общее собрание — годовое собрание немецкого отделения Теософского общества, Берлин, 10.XII.1911 г.

"Теософия" — R. Steiner. Theosophie. Berlin 1904; перев.: Ереван, 1990.

"Реинкарнация и карма..." — R. Steiner. Reinkarnation und Karma. - In: "Luzifer", Nr. 5–6, Berlin 1903. Статья включена в GA 34. Сокр. перев. см.: Р. Штайнер. Из области духовного знания, или антропософии. М., 1997. С. 63–68.

Абель Нильс Хенрик: 1802–1829.

... национального духа... — des Volksgeistes.

...на последней встрече ветви... — На предыдущей лекции. Ветвь — рабочая группа Теософского общества, в данном случае: берлинская ветвь им. А. Безант, впоследствии — им. Дж. Бруно.

...в своих мемуарах... — См.: О. Бисмарк. Мысли и воспоминания. Т. 1–3. М., 1940.

От слов: После смерти... до слов:...для обыкновенного сознания. — Существует другая

запись, где это место зафиксировано так: "После смерти мы не образуем представления так, как делаем это здесь, но там мы видим представления, там они являются восприятиями. В то время как в физическом мире представления могут браться с внешними впечатлениями, которых легко не заметить, после смерти дело обстоит иначе. Человек не может после смерти видеть красного или синего, как здесь, в физическом плане, но зато он видит представления, все то, с чем мы здесь знакомимся в виде представлений, или даже в виде понятий" (GA 135, S. 105 f.).

...в бестелесном состоянии... — im entkuperten Zustande.

"Философия свободы" — R. Steiner. Die Philosophie der Freiheit. Berlin 1894; перев.: Ереван, 1993.

...позволяет разоблачить... — aufdijelt: "распутать".

...разъясняющее... — aufdruselt.

...входит в его состав... — da drinnen ist... план драмы... — Речь идет о записи: "Согласно учению о переселении душ, возможно, что Платон опять сидит за партой и терпит побои за то, что не понимает Платона" (Ф. Геббель. Избранное в двух томах. Т. 2. М., 1978. С. 459).

...спаянные... — zusammengedrängt: "спрессованные".

...характер человека вообще невозможно изменить в жизни — См.: А. Шопенгауэр. Свобода воли и первоосновы морали. М., 1992. С. 181.

"Очерк тайноведения" — R. Steiner. Die Geheimwissenschaft im Umriß. Leipzig 1910; перев.: Ереван, 1992.

...в другой лекции. — См.: Р. Штейнер. Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца. СПб, 1992. С. 20–22, 52 ел.; см. также с. 71–74, 91–93, 118.

...последователями. — Bekennern, собственно: "исповедниками", "поборниками".

...найти себе место в составе духовного мира. — Ср.: GA 262, S. 73.

...принадлежать к его течению... — zu ihm gehören.

...разные начала человеческого существа проявляются в ходе жизни... — См.: Р. Штейнер. Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки. М., 1993; он же. Общее учение о человеке как основа педагогики. М., 1996.

Ощущающая душа, разумеющая душа, самосознающая душа — подробнее см.: Р. Штейнер. Теософия. Гл. "Тело, душа и дух". В лекции от 3.VII.1917 г. (GA 176) указанная трихотомия поставлена в соответствие с античной психологией:

orektikon — ощущающая душа;

kinetikon — разумеющая и чувствующая душа;

dianoetikon — самосознающая душа.

Один очень умный господин... — Фридрих Риттельмайер (1872–1938); см. его книгу "Жизненная встреча с Рудольфом Штейнером" (Москва-Обнинск, 1991. С. 22–24). Разговор происходил в Нюрнберге 2 либо 3 декабря 1911 г. (Ch. Lindenberg. Rudolf Steiner: Eine Chronik. Stuttgart 1988. S. 310). Ср. наст. изд. с 36, 99.

...непредвзятость своей незакомплексованной натуры. — das unmittelbare Drauflosleben.

...серьезного ответа... — in einer entsprechenden Weise zu beantworten, буквально: "ответа с определенной точки зрения".

Антропософское движение — здесь и далее в аналогичных случаях лектор употребляет термины "теософское движение" и "Теософское общество". Ср. наст. изд. с. ПО. О полярности "движение-общество" см.: Р. Штейнер. Из области духовного знания, или антропософии. М., 1997. С. 387–419, 478 ел., 522–525.

...для поддержки... — die Pflege.

...забирать... вознаграждение за эту работу. — Подробнее см. статью "Духовное знание и социальный вопрос". — Р. Штейнер. Указ. изд.

...труд, где она излагалась... — Книга вышла в 1543 г. в Нюрнберге с посвящением Павлу III. В 1616 г. внесена в "Индекс запрещенных книг". Перев.: Н. Коперник. О

вращениях небесных сфер. [М.] 1964.

Фуко Жан Бернар Леон (1819–1868) — французский физик, в 1851 г. осуществил в парижском Пантеоне опыт, подтвердивший суточное вращение Земли.

...от священника... — От Ференца Морача, католического патера в Нойдорфле в 1860–1873 гг.

...в... монистических книжках... — Имеется в виду мировоззренческая позиция естественнонаучной фактичности, нашедшая свое яркое выражение в так называемом "монизме" Э. Геккеля.

"Земля, которую населяют люди..." — Формулировка идеи восходит к Г. Спенсеру.

...мы не раз отмечали это... — См., например, лекцию от 6.VI.1906 г. (Р. Штайнер. Указ. изд.) и лекцию от 29.V.1907 г. (он же. Теософия розенкрейцера. М., 1999).

...сильными и твердыми. — stark und käftig.

Люциферические силы и существа — см.: Р. Штайнер.

Очерк тайноведения. Ереван, 1992; он же. Духовное водительство человека и человечества. Калуга, 1992; И. В. Гете. Тайны. Сказка/Р. Штайнер. О Гете. М., 1996. С. 133–147.

...уставным образом... присягнуть какой-то общей догме... — Подразумевается, в частности, Орден звезды на востоке.

"Воспитание человеческого рода" (1780) — перев. в: "Ежегодник Философского общества СССР: 1989–1990". М., 1990.

...в публичной лекции... — "Коперник и его эпоха в свете духовного знания", Берлин, 15.11.1912 г. (GA 61).

...о миссии гнева, о человеческой совести, о молитве... — См. публичные лекции, прочитанные осенью 1909-весной 1910 г. (GA58, 59).

...последняя публичная лекция... — Берлин, 29.11.1912 г. (GA61).

...занятия сравнительным религиоведением... — Отвечают второй из трех основных целей Теософского общества, см.: Е.П. Блаватская. Ключ к теософии. М., 1993. С. 41.

...строить какую-то оппозицию по отношению к нам... — Речь идет о конфликте с Орденом звезды на востоке и поддерживавшими его лицами в административном руководстве Теософского общества. Подробнее см.: К. Линденберг. Рудольф Штейнер. Биография. М., 1995. С. 122–128; Р. Штайнер. Указ. изд. С. 514–518.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

